

Алексей Олейников

Дженни Далфин

и Скрытые Земли

Тени Авадона

За вратами с семью печатями живет колдовство, и оно жаждет прорваться в наш мир... Дженни Далфин - девочка, с которой ВСЕ начнется.

Алексей Олейников
Тени Авалона

Серия «Дженни Далфин и Скрытые Земли», книга 4

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6447913
Алексей Олейников. Тени Авалона: Эксмо; Москва; 2013
ISBN 978-5-699-64047-8

Аннотация

Дженни удалось невозможное – переплыв в одиночку Океан Вероятности, она достигла берегов Авалона, Острова Везде и Нигде, своей последней надежды на спасение. Старая шаманка нагадала ей, что только здесь она сможет укрыться от Тьмы из-за Пределов мира, идущей за ней по пятам. Но даже легендарный остров не кажется безопасным: заклятый враг Дженни, колдун Фреймус, тоже оказался на Авалоне – как и одержимая Маргарет, жаждущая стереть Дженни в порошок. А самое страшное, Марко Франчелли отдали под суд и хотят казнить. Сможет ли Дженни Далфин вновь совершить чудо – и будет ли этого достаточно?

Содержание

Часть первая	4
Глава первая	4
Глава вторая	11
Глава третья	14
Глава четвертая	16
Глава пятая	22
Глава шестая	25
Глава седьмая	29
Глава восьмая	36
Глава девятая	43
Глава десятая	47
Глава одиннадцатая	50
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Алексей Олейников

Тени Авалона

Часть первая

Холодные ветры Авалона

Глава первая

Скалы, камни, воздух стоит – ни ветерка. Серое небо. От него жар, как от печки. Камень, камень и воздух. Ни мха, ни травы, ни птиц, ни зверей. Пот бежит по вискам. Идти далеко.

Камни с глухим стуком осыпались у Арвета под ногами. Началась осыпь, габмаки¹ вязли. Далеко на том конце долины скачет зверь. Рыжий, гибкий, проворный. Он обернулся, и Арвету почудилось, что зверюга ухмыляется во всю пронырливую морду.

Солнце за облаками спускалось к горам. К закату Арвет должен быть на той стороне – так сказала Элва.

Надо пройти долину, пока светло.

Арвет облизнул пересохшие губы.

До того края часа четыре ходу. Как зверь добежал?

В голове бился тихий стук бубна. Элва указывала обратный путь, чтобы он мог зацепиться за звук и вернуться, когда найдет то самое место – Сайво.

Юноша сел, достал флягу. Отпил. Удивительно, как этот сон похож на реальность.

Он вытянул ноги, размял икры. Вот как его сюда занесло?

...Минуло три месяца с тех пор, как ушла Дженни. Лето готовилось с головой уйти в осень, Арвет об этом не жалел. Скорей бы все кончилось.

Их приключения не остались незамеченными. Нашлось немало свидетелей. Насмерть перепуганный экипаж медицинского вертолета, который привез Бьорна к леднику. Сторож приюта, чудом переживший встречу с ним. Офицер службы охраны детства – до сих пор под капельницей в реанимации. Девочки из приюта, семья Бьорна...

Копы и сами много чего раскопали. Снегоходы Арвета и Хампельмана, его винтовку, снаряжение и припасы. Улик было с избытком, но что именно произошло, полицейские никак не могли понять. Что это было – похищение? Побег? Убийство? Ссора между преступниками?

Бьорн остался в логове Смостаббрина². Дженни уплыла. Кроме Арвета полиции больше некого допрашивать.

Вот они и допрашивали. Вцепились, как голодный кот в селедку. Им очень хотелось припаять ему хотя бы соучастие в побеге Дженни.

Но Арвет твердил одно: «Уехал из Люсеботена, Дженни и Бьорна больше не видел, взял снегоход покататься, его угнали, поехал домой, ничего не знаю».

¹ Традиционные саамские башмаки из кожи.

² Смостаббрин – название ледника в Норвегии, а также имя духа-хранителя этого ледника, принимающего облик огромного ледяного дракона.

Соврать бабушке и маме Бьорна было гораздо труднее. Было жаль Кристин – она сдала, потеряла весь задор и даже как-то согнулась. Жалко маму Бьорна с заплаканными глазами.

Но как сказать, что Дженни уплыла на волшебный остров, а Бьорн остался в плену у ледяного дракона?

В конце концов, когда он начал ныть, что ему надо готовиться к школе, сентябрь не за горами, копы отвязались. Или хотя бы сделали вид.

Конечно, ни в какую школу он не поехал, а собрал рюкзак и рванул к Элве в горы. Она была нойда³, она знала, как стать шаманом.

Он слушал ее. Сделал собственный бубен по всем правилам: два дня добирался до старого Томаса, соседа Элвы, чтобы купить молодого оленя. Отбил его от стада, поймал, перерезал горло, снял шкуру и выделал ее. Нашел березу, опаленную небесным огнем, вырезал заготовку, высушил и сделал обод. Натянул шкуру и нанес священные рисунки, как сказала Элва.

Он учился камлать и вызывать духов, пел песни неба и земли, огня и воды. Но по-прежнему оставался тем же крепко стоящим на ногах Арветом Андерсоном, служкой-министрантом⁴ из церкви Святого Олафа в Бьеркене. Он не мог поверить в волшебство, даже когда видел его своими глазами.

А тем временем рыжая зверюга жила у Элвы в избушке, лопала рыбу от пуза и вела себя как дорогой и желанный гость.

– Его зовут Лас, – сказала Элва в первый вечер, когда зверь вышел из леса к их костру. – Он поплывет с тобой на Авалон. Он тоже друг Дженни.

Не кошка, не рысь, не куница. Ставит лапу как медведь, по веткам скачет лучше белки и спускается вниз головой, чего ни одна кошка отродясь не умела! Не зверь, а зоологическая загадка.

Это вполне в духе Дженни – завести себе питомца неизвестной видовой принадлежности.

Но Элва стала общаться с Ласом как с человеком, заявила, что он не просто зверь, а волшебный помощник, и уверяла, что люди Магуса способны говорить с животными. Тут Арвет взвился, потому что одно дело изучать саамский фольклор, изображая из себя ученика шамана, а совсем другое – поверить во все эти сказки про древнее братство Магус, их врагов колдунов и Договор, который изгнал волшебных существ за пределы земного мира. Нескладная выходила сказка. Откуда тогда взялся дракон Смостабббрин и его чаклинги⁵?

– Ушли не все, – попыталась объяснить ему бабушка. – Всегда кто-то нет-нет да и останется, обычное дело. Многие сумели спрятаться по углам. Вот Магусовы люди их и ловили. Почти всех выловили. А этот уж больно глубоко засел.

Тут Арвет не утерпел и сказал, что дух ледника в облике колоссального ледяного дракона может появиться только в какой-нибудь онлайн-игрушке и что он сам верить откажется, хоть и видел его своими глазами. Настоящая жизнь гораздо проще и гораздо скучнее.

– Остолоп, – беззлобно сказала Элва, сидя на лесенке-жердочке у избушки-ньялла⁶. – Верно твоя прапрабабка сказывала: из мужика нойд – как пуля из оленьих орешков. Что бы там ни говорили... Да, зверь?

³ Нойд/нойда – так саамы называли своих шаманов. Считается, что чем севернее живут народы, тем сильнее их шаманы. Так, финнов их соседи почитали колдунами, однако сами финны уверяли, что самые могучие шаманы происходят из саамов.

⁴ Министрант – помощник пастора, помогающий ему во время богослужений. В православной церкви этому понятию соответствует «алтарник».

⁵ Чаклинги (чакли) – один из малых скрытых народов *первых*, уцелевших после Договора во Внешних землях.

⁶ Ньялла – маленькая избушка на столбах или деревьях, в которой саамы хранили припасы. Летом их использовали и для жилья. Кстати, примерно такие лесные избушки были знакомы и славянам, соседние с ними лесные народы в них хоронили

Лас сонно грел светлое пузо на солнце. На слова Элвы он лениво приоткрыл глаз.
– Ну и я о том же, – кивнула Элва.

...Записка Дженни в кармане, он помнит ее наизусть. Это несложно, там всего восемнадцать слов.

«Прости. Я должна уехать. Не ищи меня. Ты сделал все, что мог, ты меня спас. Будь счастлив. Дженни».

И как вот, она думала, он это послание воспримет?

В тот день Арвет проснулся, а ее уже не было: только записка на столе да молчаливая Элва. Сунула записку в руки, сказала:

– Она уплыла, парень. Лучше крышу почини у бани, чем зря шататься.

Конечно, никакую крышу Арвет чинить не стал, а учинил обыск и установил, что пропала маленькая кережка⁷, в какой он катался еще в розовом детстве, а с ней и олень Ярви. При этом Дженни не взяла с собой ничего, кроме Элвиного бюнада⁸. Ни городской одежды, ни рюкзака, ни палатки.

К полудню Ярви вернулся один и без кережки. Арвет был уже готов к поискам.

– У тебя не получится, – заявила Элва.

Арвет только бровью повел. Он здешние места с детства облазил, конечно, он найдет Дженни. Главное, чтобы ничего не случилось, не дай бог, ее занесло в болота. Что вообще на нее нашло, куда она сорвалась?

Элва посторонилась, пропуская его, и легонько прихватила за локоть.

– Стой, парень, кой-чего расскажу, – она уселась на порог.

Вот тогда-то Арвет в первый раз услышал название «Океан Вероятности». И первую из череды нескончаемых сказок Элвы про острова Авалона, где время не движется и живут бессмертные люди и волшебные существа.

...Арвет бродил по редколесью, трогал кривые сосенки, они осыпали ему в ладони легкими чешуйками, летели по ветру.

– Глупец, – шептали ему сосны. – Ты хотел бросить ее у Элвы.

– Дважды глупец, раз испугался ее, – вторили упругие мшистые кочки, трещала сухая хвоя под ногами.

– И трижды, раз не веришь Элве даже сейчас, – добавляли черные провалы малых озер.

– Как же поверить? – спрашивал Арвет у сосен, мхов и вод. – Ради нее свою жизнь заново перевернуть?

Под вечер Арвет возвращался домой.

Когда Элве надоело смотреть, как он бесцельно шатается, она погрузила поклажу на большие сани, запрягла оленей, и они отправились в горы.

Три дня он топал за санями (а Элва знай подстегивала оленей). Пес Бирки то бежал рядом, то уставал и запрыгивал в сани и с сочувствием смотрел на хозяина светло-голубыми глазами, участливо вывалив язык.

Арвет бежал. Рога, копыта, хвосты, полозья саней, олени шкуры мелькали перед ним, небо качалось над горами, деревца плясали, выступая навстречу, но он увертывался от их объятий и припускал вслед за санями.

умерших или использовали для обрядов. Возможно, именно такие избушки стали прообразом «избушки на курьих ножках», в которой обитала Баба-яга в русских сказках.

⁷ Кережка – малые олени нарты в форме лодочки, на одном полозе. Они предназначены только для езды, но Дженни поплыла на Авалон именно в кережке Элвы.

⁸ Бюнад – национальный женский норвежский костюм. В каждой из областей Норвегии он выглядит по-своему. Бюнады носят и сегодня, причем есть и современные дизайнерские бюнады, которые не относятся к какой-либо конкретной области.

Бесконечное однообразное «хей-хо» да звон колокольчика звенели в голове. К концу третьего дня он бежал даже во сне.

Они разбили стоянку в Долине смерти. Он спит после Элвиного отвара, и ему снится сон, что он в горной долине вместе с Ласом.

...Что-то в голове у него сдвинулось, расшаталось за трое суток без сна, будто в затылке пробили дыру и оттуда сыплется все, что он накопил при жизни. А взамен холод и звонкая пустота расселяются под черепной костью.

Арвет убрал флягу. Ласа не было видно. Солнце уже завалилось за горы, оттуда по облакам растекалось кровавое пятно заката.

– Не получится, – сказал Арвет, и вдруг Лас оказался рядом, толкнул головой – мол, давай вперед.

– Не верю, – устало сказал юноша.

Зверь смотрел янтарными глазами, в его щелевидных зрачках дрожал закат.

– Так глупо расстались... – Арвет сел спиной к камню. – Я бы хотел ее увидеть еще раз.

Элва говорила, чтобы он миновал долину засветло, ночью здесь «ходят дети Роты⁹», бога мертвых... Хватит. Он выполнял все ее приказы, но шаманские фокусы ему не по зубам. Он не может вернуть Дженни, надо было с самого начала это понять. Он никогда не попадет на Авалон.

Лас уперся лапами в грудь, чуть выпустил когти, фыркнул в лицо.

Арвет его сбросил. Поднялся.

Солнце село, только багровая полоска еще отжимала быстро темнеющее небо от черного контура гор. В низинах за бугристыми валунами давно обреталась тьма, и теперь ее время пришло.

Чудилось, что там, в неверных сумерках, где зрение устает различать детали и все сливается в неразличимую массу, что-то движется.

Быстро, бесшумно, к нему.

– Глупый сон, – пробормотал Арвет.

– Сон твой, значит, глупец – ты, – звучно сказали позади. Голос был нахальный, мальчишеский.

Арвет обернулся, выхватил нож. Глаза Ласа светились золотым огнем, по шкуре бродили искры.

– Думали, ты пройдешь Сайво, добудешь духа-помощника, оживишь бубен, и тогда поговорим, – сказал Лас. – Но у тебя ума хватит остаться в долине до ночи... Выбрала Дженни друга... Откуда у тебя нож?

– Он всегда со мной.

– Это же сон.

Арвет поглядел на руки. Ножа не было.

– Здесь все иначе, – фыркнул Лас.

Ночь навалилась на долину брюхом, и на пять шагов ничего нельзя было разглядеть. Облака разошлись, над ними повисли частые мелкие звезды. Они мерцали холодным светом и, казалось, медленно плыли по небу.

– Будешь ждать, когда растерзают? – спросил Лас. – Сейчас они меня боятся. Но скоро их станет столько, что они осмелеют.

– Кого?

Лас хлопнул лапой о камень, выплеснулось пламя, на миг обтекло его поджарое тело. Ударил по темноте огненный язык, отбросил ее на миг и исчез. Но и мига Арвету хватило –

⁹ Рота – бог подземного мира, владыка мертвых у саамов.

над ними кружат чудовища на изорванных крыльях! Громадные летучие мыши с лицами старух, с глазами, горящими синим огнем. Одно из чудищ сложило крылья, нырнуло вниз. Пронеслось морщинистое лицо – крючковатый нос, сморщенный рот, полный черных зубов, – поросшие бурым мехом лапы с кривыми когтями. Арвета обдало редким смрадом, он закашлялся. Так могли бы пахнуть перепревшая шерсть, гнилая требуха, злое слово. Юноша присел, выбросил вверх руку. Почувствовал в ладони шершавую рукоятку ножа. Но чудище уже ушло вверх.

– Убегать надо, – терпеливо сказал Лас. – Разорвут.

Арвет не стал размышлять: рванулся вперед, в темноту, к перевалу, туда, куда надо было добраться еще днем...

Лас едва успел схватить зубами за рукав:

– Сам не добежишь!

Синие вспышки роились, кружили, носились спиралями. Детей Роты прибывало. Но и Лас стал ростом с пони. Шерсть его светилась мягким золотым светом.

Тьма, синие злые огни летающих чудовищ, горящий огнем зверь.

Какая-то дурная, обманная реальность...

«Господи!» – воззвал Арвет и вспомнил, что его не услышат. Ему придется самому идти сквозь эту тьму. Арвет ведь оставил Его, когда решил стать шаманом. Если он заплачет к Нему из тьмы, крик его не будет услышан, он заблудится в тех краях, куда не достает даже Его взгляд.

– Это же сон! – крикнул Арвет. – Это все ненастоящее!

Лас ударил его головой в живот, Арвет отлетел назад.

Шерсть зверя засияла, тьма отпрянула, подобрала брюхо.

– Ты погибнешь! – зарычал Лас. – Не вернешься в тело, не откроешь глаза, не увидишь небо и солнце! Канешь во тьму, потому что они съедят твою душу!

Сердце Арвета стучало, спина саднила. Рукоять ножа в ладони. Если он умрет от того, что с ним случится во сне, то нет разницы между явью и сном.

Летучая старуха с воем спикировала, но Арвет успел пригнуться, и ее когти цапнули воздух. Он запрыгнул на спину Ласа, вцепился в загривок, и зверь рванул с места.

Камни разлетались в стороны, из ночи выворачивались навстречу и улетали прочь изломанные валуны. Это было словно бег по чужой мертвой планете – тьма, камень и пикирующие хищные звезды. Арвет сжимал нож *буи-ко*¹⁰. Слишком короткий, чтобы испугать чудовищ. Но больше ничего не было.

«Иди к нам, – накатывал сверху вой. – Стань нашей пищей, насыть наши сердца. Пожалей нас, мы во тьме скитаемся, мы забыли вкус жизни. Отдай ее нам, свою жизнь, отдай, отдай...»

Впереди над горами забрезжило слабое сияние. Лас втянул воздух:

– Ветер! Сильный ветер идет с Авалона!

Арвет выпрямился... и заорал от боли, когда когти распороли куртку. Он яростно полоснул ножом, Лас сумасшедшим прыжком удержал его на спине, а дитя Роты с воплем отлетело прочь. Плечо пекло и дергало. Арвет повернулся правым боком, тыча ножом в черное небо. Оттуда вываливались мерзкие старушечьи хари, вытягивали губы, жадно щелкали когтями, оглаживали взглядом сверкающих глаз.

– Терпи! – Лас мчался как пылающая стрела.

¹⁰ Буи-ко – нож старого лапландского образца со слегка изогнутым лезвием длиной около 10–15 см. Первый нож саамские дети получали в возрасте трех лет.

«Единственное их сокровище – это глаза, – Арвета мутило, голова тяжелела, по венам яд проникал в сердце, и оно замедляло ход, с натугой толкая густую кровь. – В глазах их жизнь...»

Темнота подступала совсем близко, была уже на расстоянии удара сердца. Подошла вплотную, положила лапу весом миллион тонн на грудь...

Свет нахлынул как прилив. Дети Роты со слитным разочарованным воплем упали вслед отступившей тьме, и не удержался ни один. Воздух наполнился золотым и алым, запахом меда и яблок.

Арвет приподнял голову. Дурнота откатывала неохотно, кровь горячо пульсировала в ране.

– Прорвались, – Лас остановился. Арвет сполз на землю.

Они на перевале. Впереди зеркалом меж гор лежало озеро. Позади в чаше долины, окаймленной покатыми спинами низких гор, кипело море чернильного тумана. Оттуда выныривали когти, крючковатые крылья, скрюченные предсмертной дрожью руки, безобразные лики, вся долина походила на чудовищный суп, затеянный злым богом. Дети Роты горевали по потерянной добыче.

Арвета замутило, он отвернулся.

– Не думал, что ты справишься, – Лас вернулся в прежний облик. – Скажи спасибо Дженни. Это был ее ветер, я хозяйкину руку везде узнаю. Она тьму отогнала.

– Ты так уверен?

Лас зевнул:

– Да если бы не она, ты бы уже утонул во тьме у самых пределов *йабми-аимо*¹¹, преисподней Тартара, и эти твари играли бы твоим сердцем...

По мнению Арвета, они вырвались по чистой случайности. Второй раз тем же путем им не пройти.

Юноша вытер нож тряпицей – он даже кого-то зацепил: на клинке была густая, как смола, черная кровь. Осмотрел плечо – ему повезло, когти у старух были о-го-го, но они только сильно разодрали кожу.

– Ты ссадины промой, – посоветовал Лас. – Они мертвецов едят.

Арвет поморщился, снял куртку и рубашку. Нагнулся к тихой лужице под поросшим зеленым и розовым лишайником камнем. Зачерпнул, плеснул на рану. Пальцы онемели, а тело обожгло таким холодом, что Арвет даже про боль забыл. А когда вспомнил, то боли уже не было. Рана запеклась черной кровяной коркой.

Арвет стал спускаться к озеру.

– Это озеро Сайво, благое место, место перехода, – заметил Лас. – Ты помнишь, что мы в мире духов? Тут все не то, чем кажется.

– Вода – это всегда вода. Теперь и умыться нельзя?

Зверь промолчал.

Саам со всем почтением спустился к самому краю. Встал на плоский, выглаженный ветром и водой камень.

Вода курилась легким дымком. Линза ее была недвижима и вобрала весь объем долины – горы, небо до последнего облачка, шальной ветер, кружащий между хребтов.

Арвет склонился к воде... В отражении он увидел человека с оленьими рогами. Тот стоял у самой кромки. Темная спокойная фигура. Мерцающий огонь глаз.

Он ждал его.

¹¹ Йабми-аимо – царство мертвых, подземный мир саамов.

Арвета затрясло, он отшатнулся, упал на камни. Отдышался, утер лицо расшитым рукавом и побрел от озера прочь, закарбкался по склону, оскальзываясь, падая и вновь подымаясь. Полез наверх с отчаянным упорством.

Лас смотрел с недоумением:

– Ты что?!

– Не могу, – хрипло сказал Арвет. – Если я пойду туда, я предам Его. Шаман – это ведь навсегда, какой из меня тогда министр? А если не пойду...

– ...тогда ты предашь Дженни, – сказал Лас. – Валяй. Ты не первый.

Арвет замер.

«Я ведь ее уже спас, – забила мысль. – И не один раз. Хватит. Мало ли девчонок, чего я так прицепился к одной? Мы и не целовались ни разу, ничего ведь не было. Ничего такого, ради чего стоит жизнь корезить!»

Он на перевале, и два озера ждут его решения: озеро тьмы, затопившее долину смерти, и Сайво-озеро, полное текучих небес.

– Ничего не было, – пробормотал Арвет. – Совсем ведь ничего.

Юноша повернулся к озеру. И стал раздеваться. За курткой и рубахой полетели башмаки, потом штаны. Арвет Андерсен встал обнаженным под небом Сайво, сжимая только нож в руке.

И пошел к воде.

– Оставь нож, – подскочил Лас. – Зачем он тебе? Не надо ходить к нему с оружием...

– Он со мной с самого детства, – сказал Арвет. – Этот нож и есть я. Я – прежний, каким был до встречи с Дженни, со Смором, с Элвой. Это – только мое!

«Судьба моя – быть нойдом-шаманом, и никем больше. Нет больше Арвета-министранта, нет. Прости меня, Господи...»

Он шагнул с камня как в жидкий ледяной огонь и с головой ушел под воду. Брызги ударили в берег, волна плеснула на камни, круги дрогнули и побежали по шелковой глади...

Лас вытянулся на камне, поднял голову, приготовился ждать. Над долиной нависло нежно-голубое небо, какого никогда не бывает в горах, и через всю его лазурь протянулись золотые облака. Высокие, перистые, как крыло архангела, распростертое над миром.

Глава вторая

Вода прошла ледяным кипятком по коже, а потом Арвет и вовсе перестал чувствовать тело. Серебряные пузыри обтекали его. Он шел ко дну с открытыми глазами, как тяжелая блесна на большую рыбу. На самую крупную рыбу, на себя самого.

Вода Сайво-озера жгла снаружи, сдирала всю кожу разом, а в ответ изнутри разгоралось пламя. Гудела кровь, приникая к каждой клетке, обдавала жаром, выпаривала мозг из костей. Арвет плавился в этом огне, уходя все глубже, тонул, как свинцовое грузило, обреченно принимая свою участь. Кончился воздух в груди, он дернулся, закрутился в судороге и схватил жадным до жизни ртом воду.

Встретились два пламени, изнутри и снаружи, сшиблись – и не стало Арвета. Белый блистающий потолок дрожал сверху, а зеленые воды меняли свой цвет – изумруд, бирюза, лазурь, алмаз!

Истончился Арвет, сгорел в столкновении двух огней, сгорели его ноги, рассыпались в прах руки, истлело под напором пламени тело. Одно сердце билось и падало в прозрачную тьму. Одной мыслью сердце держалось, одним ее образом томилось, но и эти силы кончились, и сгорело бы дотла и сердце, но достигло белого сверкающего дна, за которым плыли чужие облака и неизвестное солнце.

Чьи-то руки протянулись с той стороны, вытащили на берег.

...Арвета вывернуло наизнанку, он растянулся на гальке, зачерпнул ее, сжал задубевшими пальцами. Чуть отдышался, перевернулся на спину. Облако, солнце, небо, горы разом упали на него, и Арвета заколотила частая дрожь.

Кто-то накинул ему на плечи оленью шкуру.

Арвет повернул голову – и обмер.

У существа было тело человека – мощный торс, крепкие руки и ноги – и голова северного оленя. Большого самца с живыми темно-серыми рогами, опушенными мелким белым ворсом.

Человек-олень смотрел на него карими, навывкате, глазами.

Арвет потерял сознание.

...Пахнет дымом. Потрескивает огонь. Что-то варится, наверное, похлебка из оленины. Бабушка всегда готовила, когда они приезжали в гости. Надо бы поесть. Ох, и славная у нее похлебка... Торркёттсоппа¹².

Арвет открыл глаза. Закрыл. Снова открыл.

Человек-олень сидел у очага и помешивал ложкой в котелке. Пар поднимался вверх и выходил через дымовой вход куваксы¹³.

– Хорошо, что ты пришел, – сказал человек-олень. – Один я тут.

Арвет открыл рот, прокашлялся – не вся вода Сайво-озера вышла из него, еще сидела внутри, жгла.

– Так теперь всегда будет, – сказал человек-олень. – Ты проплыл через Сайво-озеро, до второго дна добрался. В двух огнях горел. Теперь тебе без воды Сайво никуда.

¹² Торркёттсоппа – саамский суп из сушеной оленины, риса, картофеля, трав и сливков. Готовится около суток.

¹³ Кувакса – конусообразное сооружение из жердей, покрытое шкурами или парусиной, с отверстием посередине для выхода дыма. Относится к тому же типу жилища, что и вигвам, типи, чум.

– Здравствуй, Мяндаш-пырре¹⁴, – сказал Арвет. – Здравствуй, дающиййся. Я думал, что тебя не существует...

Мяндаш поднялся, поманил его, вышел.

Арвет на четвереньках выбрался наружу и поднялся, опираясь на подвернувшуюся палку. Позади за куваксой серыми валами уходили вдаль горы и озеро, небесное зеркало, которое уронили с высоты во мхи. Вокруг тундра: плоская, с кривым редким лесом ему по грудь, поросшая ягелем и стлаником, с проталинами. А впереди не видно тундры – только олени до самого горизонта, бесчисленное множество серых с проседью шкур, рогов, выпученных глаз. Храп, рывканье, пар стояли над этим оленьим морем, сбиваясь в еще теплый, парной туман.

Мяндаш бросил ему веревку:

– Пойдем ловить твоего оленя.

– Моего?

– Твоего помощника, твоего оленя, дух бубна, – объяснил Мяндаш. – Какой ты шаман без бубна?

Мяндаш пошел к стаду широким шагом, Арвет двинулся следом. Ловил он оленей, было дело, но давно. А ну как не поймает, что тогда?

– Рыжий зверь приходил, спрашивал, как ты, – сказал человек-олень, понемногу ускоряя шаг. – Я прогнал его, он моих оленей пугает. Сказал, что ты вернешься, когда время придет.

– А когда оно придет? – Арвет покачал веревку в руке. Кажется, правильно.

– Поймаешь оленя, поглядим, – сказал Мяндаш. – Ищи его!

Мяндаш разогнался, скакнул вперед не по-человечьи далеко, сшибся рогами с огромным оленем – красавцем с белой грудью. Олени разбежались в стороны, рванулись по широкому кругу. Арвет побежал к стаду, где сразу приметил белого оленя, молодого и сильного. Тот скосил умный глаз и рванулся прочь, забился в самую середину. Арвет только зря веревку бросал.

Второй бросок – и тоже впустую.

Арвет терпеливо смотал веревку, двинулся вперед. Он вспомнил одну сказку Элвы.

– Ты куда, олень, убегаешь? – спросил он. – Разве хорошо тебе здесь? Пойдем со мной, олень. Я тебя водой напою, вкусной соли дам, шерсть расчешу. Есть у меня гребень деревянный – у него зубец широкий да гребень костяной с зубцом почаше, да третий гребень, железный, а зубцов у него – что волос на твоей шкуре.

Олень слушал, прядал ухом и переступал с ноги на ногу, готовый броситься бежать.

Арвет шел и говорил. Не слышал он, как Мяндаш с вожаком стада силами меряется, не видел он оленьего моря, волнующегося вокруг, сотрясающего тундру слитным топотом тысяч копыт.

– Деревянным гребнем тебе шерсть расчешу, – Арвет подступал все ближе. – Костяным – подшерсток распушу. А железным гребнем тень твою зацеплю, закручу, не выпущу. Скачи, топчи ягель – не вырвешься.

Олень всхрапнул, прыгнул в сторону, но веревка обвилась вокруг его рогов, и Арвет рывком пригнул его голову к земле, одновременно наматывая веревку на локоть. Так все ближе он подступал к оленю, а потом повалил его на бок.

Мяндаш сидел у шатра, скрестив руки, и только кивнул, когда увидел, что Арвет ведет за собой оленя.

– Как назовешь?

¹⁴ Мяндаш-пырре – златорогий олень-оборотень, он бежит тропой солнца, он родоначальник саамов. Мяндаш научил людей искусству охоты, дал им лук, научил беречь оленей и не истреблять их без нужды.

Олень шумно дышал, выбрасывая облачка пара из ноздрей.

Юноша взялся за мохнатую холку, почувствовал, как под рукой дрожит и бьется вена, по которой мощное оленьё сердце гнало кровь. Погладил по серебристой шерсти:

– Имя ему Зарница, он быстрый и яркий.

– А ведь не догорел ты в Сайво-озере, – задумчиво сказал человек-олень. – Шаман – и не шаман, саам – не саам. Заведет тебя твоя дорога далеко, куда дальше, чем думаешь.

Он протянул Арвету нож буи-ко.

«Не утонул, не потерялся», – обрадовался юноша.

– Хорошо, что ты его донес. И он не оставит тебя, где бы ты ни был. Эх, люди, поделили мир неделимый, – человек-олень легко поднялся. – Раскололи на две половины: было одно счастье – стало два несчастья. И там плохо, и тут нехорошо.

– О чем ты?

– Сам поймешь. Одно запомни: та, кого ищешь, не каждому дается. Коли сил у тебя хватит отыскать, никогда не отпускай. Улетит она – и не найдешь ее больше, хоть всю землю от моря до моря пройдешь, и не помогут тебе духи земли, небес и воды. Если унесет ее черный ветер за пределы *йамби-аимо*, никто тебе не поможет. Ну, пора тебе, а то бабка твоя будет ругаться. Не люблю, сварливая она. Прощай, Арвет Андерсен. Что задумал – делай, чего не можешь – не обещай. А теперь иди, не оглядывайся, – сказал Мяндаш-пырре и дунул.

Ветер подхватил Арвета – и полетел он вместе с оленем Зарницей под синее небо и дальше, дальше, дальше.

Глава третья

...Закоптелые низкие балки. Паутина. Пучки трав. Черепа и шкуры. На веревке сухая щучья голова скалится – вывернувши жабры, выпучив стеклянные глаза.

Избушка Элвы.

– Пей, – бабка сунула ему в зубы кружку. Арвет хлебнул, закашлялся, проплевался, но выпил.

Поднялся, утираясь рукавом. Захотел встать, да ноги не держали – повело, рухнул на скамью.

– Два дня лежал, – сказала Элва. – Куда бежишь?

Арвет брезгливым щелчком отбросил щуку. Та закачалась.

– Выбросила бы ты ее, – сказал он – и не узнал своего голоса. Низкий, глубокий, в нем будто гудел охотничий рог. Юноша оперся о стену, прикрыл глаза. Зеленые, синие, алые летучие огни метались по избежке, предметы начинали отбрасывать по две тени или же лишались теней напрочь, а бабка и вовсе мерцала – то и дело пропадала, как сигнал в телевизоре, и тогда коврик, кружка, тряпка, за которые она бралась, сами по себе перелетали с места на место.

– Своих друзей выбрасывай, а моих не трогай, – Элва села на корточки, раздула в очаге огонь. – Я натопила баню, тебе надо пот вывести, сердце разогнать. Два дня лежал, кровь застоялась.

Арвет не ответил, тупо разглядывал ладонь. Под кожей пульсировали вены, гнали янтарный огонь, смутно белели кости. Ходячий скелет, живой рентгеновский снимок...

– Что, все плывет? Это *ясный взор*¹⁵, – Элва складывала стопкой чистое белье и полотенца. – Ничего, привыкнешь. Живо в баню.

– Ну а теперь-то все? – спросил он у щучьей морды. – Теперь-то я проснулся?

– Если человек полностью проснется, миру конец придет, – отозвалась Элва.

Арвет встал. Опираясь, по стеночке добрал до выхода. Его мутило, голова гудела, как туго натянутый бубен, в который дробно стучали слова Элвы.

– И вы с этим живете? – Мир дрожал и сыпался в глаза изумрудной пылью, солнечной искрой, водяным серебром и горячей кровью. Где-то далеко метались куропатки, отводя песка от гнезда.

Под камнем пищала мышь-бурозубка, сражаясь со сверчком. Старый Ярви бродил рядом с избежкой, сонно щипал траву, а Арвет морщился от белого огня, всполохи которого прорывались сквозь его серую шкуру.

Все, на что он смотрел, торопилось рассказать о себе, перелиться в его взгляд, вбирающий весь мир, как губка воду. Видеть это было невыносимо, но и закрывать глаза было бесполезно: жмурься не жмурься – видения не оставляли, пробивались сквозь опущенные веки.

– Привыкнешь, – повторила бабка и пихнула в спину твердым кулачком. Арвет слетел по приставной лесенке едва ли не кубарем, но устоял. – Дуй в баню.

Арвет переставлял ноги как тяжелобольной без костылей. От избежки Элвы тридцать шагов, за березу и направо. К вечеру дойдет, наверное.

Облака то заслоняли солнце, то уходили, и Арвету казалось, что он движется по дну реки сквозь воду, прозрачную как воздух. А свет падает с высоты, с далекой поверхности, до которой подниматься не хватит жизни.

¹⁵ Ясный взор – способность людей Договора видеть скрытый облик мира: обнаруживать следы *первых*, волшебных существ, колдовские артефакты, а также присутствие живых существ. Ясный взор позволяет читать намерения и чувства существ (но не мысли).

Лас вынырнул из редкого леса, сравнял бег с его нечетким шагом. В пасти зверь держал жирного лемминга.

Рыжее пламя гудело в Ласе. Тень, которую он отбрасывал, была больше его самого.

– И как в тебя столько влезает?

Лас покосился янтарным глазом.

«Надо наесться перед дальней дорогой», – отчетливо услышал Арвет его звонкий голос.

Сил удивляться у саама не было, он добрел до бани, распахнул почерневшую дверь и нырнул в дымное жаркое нутро.

...Элва варила кофе. Она поставила закоптелый кофейник на тонкий плоский камень, а тот положила прямым на угли. Вода уже шумела, когда нойда услышала шаги. Кто-то уверенно поднялся по лестнице, встал в дверях.

Арвет переоделся в старую походную одежду: брюки, водолазка, туристическая куртка, только пояс оставил старинный, дедовский, расшитый, а за поясом нож. В руках бубен, за спиной рюкзак. Лас замер у колена.

– Нам пора, – сказал Арвет.

Элва выпрямилась, прищурилась, будто взвешивая его слова на весах.

– Да, – согласилась она. – Теперь ты готов.

Вода в кофейнике заклокотала, кофейник мелко задрожал и плеснул в огонь черную жижу.

Глава четвертая

...Они разбили лагерь на берегу в устье небольшой реки, раскинувшей свой голубой платок по каменистому ложу широким жестом, как плясунья. Арвет должен был отправляться вечером. В море ночью лучше не ходить, тем более на стареньком каяке бабки. Но Элва сказала, что отправляться надо в сумеречный час, потерянный меж днем и ночью, тогда Авалон ближе всего к Внешним землям.

– А где тогда Скрытые земли? – допытывался юноша, пока они добирались до побережья. – Где находится Авалон и где стоят Врата Фейри? И что такое тогда Дорога Снов и Океан Вероятности?

Пусть мир перевернулся с ног на голову, Арвет все равно должен знать, как он устроен – иначе как он сумеет понять, как сумеет отыскать Дженни?

– Внешние земли – это то, что в школе называется планета Земля, Луна и все остальное, что там болтается, – Элва помахивала палкой, но не касалась шкуры Ярви, старый олень знал дорогу и шел размеренной рысью.

– Скрытые земли как бы вложены во Внешние, но ты не увидишь их даже *ясным взором*. Они оборотная сторона Внешних земель, Скрытые земли – место разбитых надежд и несбывшихся желаний, там собраны невоплотившиеся вероятности, все линии жизни, которые не стали действительной жизнью. Наверное, можно было бы назвать это место запасниками Бога, – Элва усмехнулась. – Там действительно куда просторней, чем во Внешних землях, тут люди Магуса не соврали, когда выгоняли эльфов. И каждый оборот планеты добавляет еще больше места. Но жизнь там не похожа на здешнюю, – Элва смотрела на дорогу выцветшими глазами цвета мокрой гальки. – Как называлась эта штука в городском парке, куда ты меня затащил, когда тебе было десять?

– Зеркальный лабиринт, – вспомнил Арвет.

– Зеркальный лабиринт, – Элва пожевала слова морщинистыми губами. – Да, жизнь Скрытых земель похожа на такой лабиринт: много огней, много шума и гаснущего блеска, все кружится и сменяет друг друга – и все обман, все кажимость. Там все не до конца настоящее, и люди тамошние – призраки, которые исчезают как дым, а края Скрытых земель тают во тьме и тишине. *Первые* не слишком были рады такому жилью. Между Внешними и Скрытыми землями проложена Дорога Снов – тропа, по которой могут путешествовать духи и души людей. Она радужным змеем опоясывает оба мира, и по Дороге Снов к нам могут изредка проникать духи. *Первым* же в телесном облике вход закрыт. Внешние и Скрытые земли не притерты друг к другу как зубы, меж ними есть зазор. В этом зазоре плещется Океан Вероятности и там лежит Авалон – остров везде-и-нигде.

Арвет покачал головой:

– Как же Магус смог заставить *первых* уйти в Скрытые земли?

– Им *запретили* выходить во Внешние земли, кроме особых дней – таких, как Самайн. Изменили мир так, что они не могут проникнуть к нам. Для этого и были созданы Врата Фейри, это ведь не проход, а знак.

– Изменили мир?!

– Приехали, – Элва шлепнула Ярви по кургузому крупу, но тот и сам уже заворачивал к стоянке, фыркал и втягивал ноздрями соленый воздух. Олень ждал отдыха, холодной воды и вкусного ягеля.

– Элва, что значит – изменили мир? Кто?!

– Разбиваем лагерь, – распорядилась она, слезая с саней. Арвет отступил с вопросами, решил дожидаться лучшего момента.

...На костре дымился котелок, Арвет шел вдоль берега с острогой – *ясный взор* открывал ему, где хоронилась рыба, он бил и вытаскивал, бил и вытаскивал и в десять минут набрал полный садок.

Сел на бережку, опустил садок в воду. Ужасно хотелось курить, но последние сигареты он выкинул еще в Люсеботне.

Зашуршала галька, потянуло крепким табаком. Арвет досадливо поморщился:

– Бросала бы ты курить.

– Хочешь? – Элва сунула обгрызенный чубук трубки. – Тебе не мешает.

– Воздержусь.

Они помолчали. Река звенела и текла в море, легкие облака плыли над покатыми горами. Еще немного – и он оттолкнется от берега, поплывет в места, которых не существует. На Авалон.

Арвет вынул нож, принялся потрошить рыбу. Если Элва захочет, она сама начнет разговор.

– Еще не поздно. Отступись, парень. Она не для тебя.

– Это уж я сам буду решать!

– Всегда решает женщина. Только позволяет думать мужчине, что он принимает решения. Но не о том речь. Она Видящая. Ты же не знаешь, что это значит?

– Ты голову не морочь, сразу говори что к чему, – хмуро заметил Арвет.

– Ни эльфы, ни темники не знают, что такое Видящая на деле, – Элва выпустила клуб дыма. – Старейшины Магуса думают, что знают, но тоже держат в руках глиняные черепки и осенние листья, а не золото.

– А ты знаешь?

Форелька юлила, выкручивалась. Арвет прижал ее к камню, занес нож...

– А я знаю, – подтвердила Элва. Уголек вспыхнул в трубке, взгляд ее затуманился. – Темно, солнце скрыто силой фейри, туман ползет на полки, в тумане смерть ходит, нож точит... – забормотала она. – Воды кипят, на берег идут воины Манаанана¹⁶, кольчуги их как чешуя, волосы их зелены, глаза голубы, мечи их остры, жемчужны. Облака расходятся, кружат меж них крылатые девы с мечами. Кровь, кровь на зеленом поле, на шелковой траве. Кровь густая, кипящая, человеческая, кровь светлая, прозрачная, как сок березы и черная, как смола – кровь *первых*. Плачет поле Тальтиу¹⁷ кровавыми слезами. Вот идут семеро эльфийских владык...

– Элва...

По реке поплыло багровое облако.

– Падают! – бабка открыла глаза, и оттуда плеснуло синевой, радужка глаз пылала ультрамарином. – Как колосья под серпом, повержены гойделы, сыновья Миля¹⁸... Что делать людям Магуса, что делать Видящей, ей так мало лет, она так любит их всех, и людей и эльфов, одних по праву крови, других по зову сердца. Как уберечь и тех и других?

Она взглянула уже обычными серыми глазами на ошарашенного внука.

¹⁶ Манаанан – Манаанан мак Лер, владыка моря, повелитель чародейства. До поражения туата на поле Тальтиу он жил на архипелаге Эмайн Аблах (дословно: Яблонево́й Эмайн, Яблочное имение), в Стране Вечной Юности, которую впоследствии стали называть Авалоном. Его конь Аонабрре Роскошная Грива мог обгонять весенние ветры и мчаться как по суше, так и по волнам.

¹⁷ Тальтиу (*Cath Taltiu*) – поле в Ирландии, где состоялась битва между эльфами-туата и людьми из рода Миля. На стороне людей сражался Магус (один из людей Магуса, Амергин мак Милед, спел песню, которая усмирила шторм, посланный туата на корабли людей). После поражения при Тальтиу мир был разделен на Скрытые и Внешние земли, и был заключен Договор между Магусом и туата.

¹⁸ Сыновья Миля, или гойделы – пятое и последнее из племен, правивших Ирландией. Сыновья Миля являются предками современных людей, населяющих эту страну.

– Именно Видящая разделила мир. Тогда, на поле Тальтиу, она расколола его на Внешние и Скрытые земли, чтобы уберечь людей от эльфов, а эльфов от людей. Создала Врата Фейри как ключ к двум мирам и замкнула его на семь Печатей Фейри.

– Невозможно. – Он забыл о рыбьей тушке, забыл о ноже в кулаке. – Всякой силе есть предел. Такое дело по плечу только Богу. Ни один человек, ни один колдун не может...

– Арвет, внучек, ты хорошо помнишь Книгу Бытия?

Элву как подменили.

– Ну, допустим... – покосился Арвет.

– Глава вторая, стихи девятнадцатый и двадцатый.

Арвет нахмурился, припоминая:

– Господь Бог образовал из земли всех животных полевых и всех птиц небесных и привел к человеку, чтобы видеть, как он назовет их, и чтобы, как наречет человек всякую душу живую, так и было имя ей. И нарек человек имена всем скотам и птицам небесным и всем зверям полевым; но для человека не нашлось помощника, подобного ему. И...

На самом дне галечных глаз Элвы плескалась бесконечная, как дорожная песня, печаль.

– У Видящих есть дар или проклятие, он просыпается только в их сословии. Говорят, это наследство древних людей, тех, кто первыми увидел этот мир. Перводар, так его иногда называют те, кто ведает. Иногда, очень редко, Видящие могут изменить судьбу мира. Но воспользоваться такой силой можно только единожды. Я знаю только об одной Видящей, которая сумела обуздать этот дар. На поле Тальтиу она расколола мир пополам, чтобы спасти *первых* и людей от взаимного убийства.

Арвет вытер руку о штаны, взял трубку, сделал глубокую затяжку и закашлялся. Элвин самосад драл горло покрепче напильника. Острый кулак ударил ему между лопаток, Арвет выгнулся пойманным лососем, хватанул ртом влажный воздух.

– Ну хватит уже! – отдышался он. – Каждый раз, когда я думаю, что уже слышал все твои байки, ты рассказываешь мне очередную нелепицу. Как в это можно поверить?!

– Ты что, Библии не веришь? – весело изумилась бабка. – Наконец-то...

– Да я не о том! – Саам сунул ей трубку обратно, пусть сама этот яд употребляет. – Это же Книга Бытия, это было бог знает когда, и как на самом деле все происходило, никому неизвестно!

– Чудеса, – фыркнула Элва. – Христианин, отрицающий слова Книги Бытия.

– Я не отрицаю, я толкую.

– А не надо толковать, Арви. Очень редко, но Видящая может стать той, кто правит миром, «как наречет человек всякую душу живую, так и было имя ей». А имя – это суть, это то, чем ты являешься. Скажешь «горячий» – жжет, танцует и пожирает все, чего коснется, скажешь «огонь» – и он явился.

– Но Дженни-то не такая! Она маленькая, она даже темноты боится. Какие судьбы мира, Элва, ты себя слышишь?

– Хочешь ты или нет, но она уже прошла посвящение Магуса и очевидно принадлежит к сословию Видящих. Если Дженни войдет в полную силу, то может обрести эту силу. И поверь, даже тень такого могущества заставит весь мир вращаться вокруг нее. И что ты тогда сможешь сделать?

– Откуда ты все это знаешь?!

– Потому что я такая же, как она.

Арвет разжал пальцы, последняя форель рванулась на волю.

– Ты...

– Видящая – самый большой приз в этом мире, парень, – сказала Элва. – Для *первых*, Магуса, темников, людей. Единственный шанс спастись – исчезнуть. Пусть потеряют твой

след, пусть думают, что ты исчезла среди пустошей и гор и твой след замела вьюга. Можно спастись, лишь отказавшись от права Видящей на перводар...

Арвет ошеломленно молчал. Элва – Видящая? Его родная бабушка?!

– Тогда зачем ты отправила Дженни на Авалон?!

– Тем, на кого Господин Дикой Охоты положил глаз, не спрятаться во Внешних землях, – пожалала плечами Элва. – Большую силу набрал он, почти как прежде, до Договора. Поди, с кем-то здесь сговорился. Так что укрыть Дженни могут только на Авалоне. Может быть, там она сумеет выжить. Здесь точно нет.

Арвет сжал зубы, поднялся. Выкинул чешую и рыбы потроха в воду – пусть прочая рыба живет и кормится, жизнь должна продолжаться. Встал на ноги, вынул садок с очищенными тушками:

– Вода выкипит. Надо уху варить, надо поесть. Дорога будет долгая.

– Жалею иногда, что ты в меня норовом пошел, – Элва выбила трубку о камень, закинула седые сальные от грязи косицы за спину. – Ты хоть понимаешь, куда лезешь? Поперек кого? Там, на Авалоне, тебя смахнут с дороги и не заметят.

– Зачем ты сейчас все это говоришь? – закипел Арвет. – Зачем тогда помогала?!

Элва отвела глаза:

– Думала, хорошим нойдом будешь. Дело мое продолжишь. Думала, отговорю на берегу...

– Какое дело, Элва? – горько спросил юноша. – Прятаться всю жизнь? Ты ведь так и прожила на берегу, себя для себя берегла. Как бы чего не вышло, как бы не заметили, как бы не узнали, что ты Видящая. Вот и не узнали. Я так не могу. Не могу оставить ее, тем более теперь. Она же в страшной опасности!

Элва запрокинула голову, в морщинистом горле заклокотал воздух:

– Ты думаешь, что справишься с владыками Внешних, Скрытых земель и Авалона?!

– Пока не попробую, не узнаю, – пожал плечами Арвет.

– Ветра тебе в паруса, малыш, – пробурчала бабка. – Может, ты и прав. Хотела бы я, чтобы за меня так бились.

Арвет помедлил. Еще один вопрос вертелся на языке, но он боялся его задать. Боялся услышать ответ. Наконец решился:

– А как может проснуться этот перводар? Как его будят?

И Элва рассказала.

...Туман курился над черной водой. Арвет сидел в каяке, рулил, чуть касаясь веслом волны. Их несло мощное течение, какого здесь не могло быть. Сотни раз он выходил в эти воды – и на каяке, и на моторке, а иногда на траулере с отцом.

Не бывает здесь таких береговых течений.

Арвет покосился на бубен, спрятанный в сумке. На бубне, свернувшись клубком, дрыхнул Лас, дергая задними лапами.

В жизни у него теперь все «небывалое».

Туман расходился перед носом лодки, складываясь в причудливые образы, зовущие, манящие к себе. Призрачные девы вставали над водами и протягивали к нему руки. Острова, башни до небес, сверкающие замки поднимались, чтобы в следующий миг обернуться пастью чудовища, жаждущего поглотить его. Арвет точными движениями вел каяк вперед. На носу лодки позвякивал колокольчик, и его жестяной звук далеко разносился над водой, трезвил Арвета, не давал ему засматриваться на туман.

Все как говорила Элва. Долог путь на Авалон, и не каждый сможет отыскать даже его начало.

Лас поднялся, принялся.

«Второй ветер идет. Теперь синий посылает хозяйка».

Арвет погреб вперед. Поглядим, что за ветер.

Колокольчик звенел, гремел, стучал по сердцу Арвета. Он шел за ней, за той, кого пообещал охранять... кого хотел охранять. Но почему у него такое чувство, что чем больше он ищет ее, тем больше забывает себя?

Дзинь – перекачивается шар-гремун будто внутри Арвета, и он будто сам звенит. Нет звезд, черная вода и туман-обманщик. Куда он держит путь, куда его заведет судьба, которую он снова решил перекроить?

Кружится туман, все ближе, все гуще. Дзинь – поет колокольчик, отринь прошлое. Его нет. Иди вперед. Там твоя судьба. Найди ее, вылепи по своему разумению.

Как быть с Дженни? Надо ли рассказать о том, что ей грозит, о том, кем... чем она может стать? Или быть рядом, надеясь, что этого не случится?

Хлопья облачные хватают за горло, застыт глаза, и вот уже и нос каяка скрылся, и все глуше жестяной голосок...

«Господи, я оставил Тебя, чтобы найти ее, – Арвет сжал весло сильнее, – отступил от Твоих заветов и отринул Твое крещение. Нет мне прощения и покоя...»

Колокольчик молчал.

Арвет очнулся, ударил веслом, расплескав черную воду. Отпрянул прочь туман, забормотала скороговоркой далекая волна, Лас вскочил на ноги, искры полетели от шерсти.

«Колокольчик!»

Сиротливо болталась на носу веревка, а оберег сгинул.

«Связался я с тобой! – Лас выдохнул клуб горячего пара. – Проглотит нас Великий океан и не заметит...»

Впереди закипала стена тумана, кроила хари одна другой отвратительней, примеряла личины и тут же отбрасывала.

Арвет хмуро налег на весла. Лас прижал уши, в глазах разгорался знакомый огонь.

– Может, и подавится, – сказал Арвет, с разгона врежаясь в дымящуюся стену воздуха. – Может, и прорвемся...

«Как Ты можешь оставить меня? Если Ты сам умираешь человеческой смертью, то, значит, вычерпал всю бездну горя, всю нашу боль собой вымерял. Как же Ты можешь оставить того, кто в беде?»

Лики тумана завертелись вокруг, Лас шипел и рвал воздух короткими ударами, и туман отшатывался, но тут же выбрасывал призрачные плети и щупальца. Арвет наотмашь рубил их веслом и гнал, гнал каяк вперед.

Лодка прыгала по волнам, а туман наваливался на них необъятным брюхом, давил, слепил белой мглой глаза. Вот уже и Лас стал уставать, прижался к ногам саама. Арвет выхватил нож, сжал весло – уже не выплыть им, надо отбиваться.

Туман разом прихлынул, стреб влажной лапой сердце, забил сырой ватой горло... взял да отпустил. То ли стон, то ли вопль – и вздрогнул туман-обманщик, развеялся. Как и не было.

Ветер ударил Арвету в лицо. Сильный ветер с моря, синий ветер, и перед ними распахнулись многоцветные воды, в которых соседствовали, но не смешивались бирюза, лазурь, аметист, индиго... На горизонте плыли косяки не виданных прежде Арветом длинношеих птиц, и чудные хрустальные айсберги блистали на горизонте, грозя вот-вот обвалиться за край мира.

Кто-то рядом чихнул.

И еще раз. И еще.

Арвет не поверил своим глазам. Лас громко чихал. Он смеялся.

«Я же говорил, что она послала ветер, – скалился зверь. – А вот теперь начнется настоящее путешествие, шаман. Вот он – Океан Вероятности».

Арвет убрал нож, положил весло и принялся устанавливать мачту. Парус хлопнул на ветру, раскрылся косым белым крылом, и каяк, оставляя пенный след, стал карабкаться на водяную гору – первую из волн Великого океана.

Глава пятая

...Вода плещется. Снова море. Опять бегство.

Как давно это было. Она приплыла в Норвегию из Англии в облике дельфина, спасаясь от колдуна Альберта Фреймуса. Черная тень паука-демона, его подручного, летела за ней. Она вырвала эту тварь, притворившуюся клочком бумаги, прилипшим к запястью. Вырвала ее с куском кожи и прыгнула в море.

...Облака заслоняют солнце, опускают на лицо летучую тень, и на миг томительная жара спадает. Становится немного легче. Авалон, она должна добраться до Авалона...

В Норвегии было холодно. Но там был Арвет. Он спас ее. Сначала из пещеры во фьорде, где она лежала без сил. Потом увез из приюта, куда ее определила полиция – как бродяжку без документов. Арвет почти спас... если бы за ней не приехал в Норвегию вооруженный до зубов помощник Фреймуса, шеф безопасности Клаус Хампельман.

Это грузная фигура, руки с толстыми волосатыми пальцами, сальные волосы... Одно слово – омерзение.

В горах, среди льдов они бы погибли. Если бы их не убил Хампельман, то с ними точно расправился бы паук-демоний. Но ледяной великан Сморстабббрин, дух ледника и хранитель этих гор, выглянул узнать, кто шумит на его пороге, и вышвырнул демония прочь. Сморг утаил их в своих чертогах, в пещерах-пузырях в толще векового льда.

Тогда-то Арвет и узнал, кто она такая и что такое Магус – древнее братство тех, кто спасал мир от волшебных чудовищ. Тогда-то он и решил ее оставить.

...Волны кружат лодку-кережку, подарок бабки Арвета. Дженни странствует по Океану Вероятности в поисках Авалона. И в то же время она плывет по океану памяти, ищет то, что даст ей силы плыть дальше. Зачем плыть вперед, если все, что тебе дорого, осталось позади?

Старая Элва, бабка Арвета, была шаманкой. С ее помощью Дженни смогла заглянуть в будущее. Что-то страшное из Скрытых земель рвалось к ней, и колдун со своими приспешниками был только слугой этой тьмы.

«Авалон – это твое спасение, – сказала Элва. – Там, на островах меж мирами, тьма не достанет тебя. Но если ты пойдешь на Авалон, ты расстанешься с Арветом. Ему туда хода нет».

И она согласилась уйти.

Зачем?!

...Как ей быть, куда теперь плыть? Ветра швыряют лодку, течения сбиваются с пути, забывая, куда им положено течь, птицы забывают небесные тропы, киты выбрасываются на берег...

Кережка взлетала на гребни водяных гор и валилась вниз с их покатых спин. Когда она открывала глаза, то видела Океан. Вверх и вниз, всегда только так.

Великий океан. Океан Вероятности.

Мимо проплывали облака – низкие, взбитые в плотную серую вату, и высокие, белорозовые, витые, как рог единорога.

Над ней во все концы земли неслись ветра – синие, желтые, белые, черные. Дженни плыла, а вода меняла цвет. От серого свинца – к глубокой насыщенной синеве, от нее – к лазури, а после фиолетово-аметистовые валы подбрасывали лодку к небу.

Над водами неслись летучие опаловые огни. То взмывали вверх, под облака, то проносились над самыми волнами. А следом за огнями мчались рыбы, быстрые и звонкие, заточенные, точно острия мечей, цвета стального, холодного. Они гнали эти огни. Вскипала бурунами вода, вверх выстреливали стальные тела, хватая огни на лету, и те гасли, вспышкой

озаряя рыбы тела изнутри. Рыбы, набираясь опалового сияния, уходили вниз, в бездны, где так не хватает света.

Ее лодку влекло меж островов.

Больших, с горами, посаженными густым лесом, пляжами, полными горячего белого, красного, черного песка, по которым шагали армии крабов.

Крохотных, где едва находилось место одной пальме и робкому источнику меж камней.

Из дымки горизонта выступали острова с голубыми лагунами и рифами, где расцветали рыбы-цветы, и острова плоские, заросшие болотными травами и приземистыми деревьями, встающими на кривых корнях из мутной воды.

Но ни один из островов не был Авалоном.

Кое-где на островах жили люди. При виде лодочки Дженни они вели себя по-разному. Кто-то заслонялся рукой от солнца, чтобы лучше разглядеть странника. Кто-то созывал гребцов, спускал на воду быстрые сдвоенные пироги, которые, повинаясь ритму барабана, мчались по волнам, чтобы настичь и схватить.

Но разве догнать тень, разве настичь радугу, разве поймать отражение? Кережка Дженни летела быстрее их мысли.

Дженни водила пальцами в воде и понимала, что все эти острова – суть морские звери, на их спинах угнездилась суетливая жизнь. Придет час, звери нырнут – и что будет тогда с людьми, доверившимися этой плавучей тверди?

Хрустальные столпы, пронизанные молниями и серебряными струнами, вставали на горизонте. Нырять из облаков в облака, высоко в небе держали курс в неведомое летучие корабли. Диковинные флаги реяли на их мачтах, и крикливым хором следом летели птицы-прилипалы. Дженни смотрела и гадала – растут ли на их днищах воздушные ракушки? Какие птицы чистят им брюхо? Каких небесных китов гонят эти странники?

«Это корабли торговцев ветром, – сонно думала она. – Они везут в дальние страны прохладу льдов и тепло южных вечеров, песни цикад и запах хвои, ветра, бризы, ветерки. Они торгуют молниями и зарницами, они ловят и запечатывают нежную ткань облаков, чтобы потом продать ее. Трюмы этих кораблей доверху набиты дарами неба...»

– Видели ли вы его, корабли? – спрашивала Дженни. – Отвезите ему ветер прохладный и ветер теплый, на всякое время года. Наполните его паруса, когда он выйдет в море. Берегите Арвета...

...Повинаясь ее желанию, вода в ладонях становилась пресной и насыщала, словно масло, но Дженни не казалось это странным. Она плыла как во сне. Океан был податлив, он отзывался на каждое ее внутреннее движение. Вода из соленой превращалась в пресную прямо в ладонях, а есть она не хотела. Она хотела вернуться назад, но ей надо было плыть дальше, на Авалон, за помощью, за спасением. Наверное, сила этих желаний уравновешивала друг друга, потому что Дженни все кружило и кружило по Океану, так что она уже потеряла счет дням.

А потом началась буря, словно даже у Океана кончилось терпение.

Океан вздымал горы, силясь достичь неба, а то, в отместку за дерзость, обрушивало на него ливень. Небо хлестало непокорную спину Океана плетью ветров, пронзало его плоть копиями молний.

Дженни вычерпывала воду ковшиком и только и могла что *уговаривать* волны бить тише, не заливать ее утлую лодочку, не швырять ее вниз с крутых горбов водяных быков, чьи стада океан гнал сквозь мглу.

Вода не хотела слушаться ее, вода хотела бушевать, вода хотела воевать с небом, и Дженни удавалось удержать в покое лишь небольшой пяточок вокруг кережки, беспрестанно выливая на волны масло своих слов. Тогда-то она и увидела Змея.

Он играючи рвал на части синего кита. Пасть его была как врата в бездну, зубы его пылали в отблесках зарниц. Тело Змея, составленное из звенящих чешуй-щитов, текло потоком тусклой брони. Казалось, ему не будет конца. Он сжимал в своих кольцах мир. Воды кипели вокруг него, и светящийся след расплывался в волнах.

Змей не заметил ее.

А она не отрывала от него глаз, пока буря не унесла ее прочь. Тогда Дженни осознала, что покинула пределы человеческого мира. Где несло ее утлое суденышко, в каких краях она блуждала?

«Авалон, – вспомнила она, – мне нужен Авалон».

На краю лодки сидела белая чайка с золотым клювом и смотрела на нее черными глазами.

– Скоро Океан проглотит тебя, – сообщила чайка. – Волны сокрушат ребра лодки, соль разъест кожаные борта.

Дженни поднялась. Был штиль. Солнце висело в небе. Вода стояла до самого горизонта, как чаша, полная золотого огня.

Ее черная лодочка замерла посреди этой чаши.

– Чего ты хочешь? – не унималась птица.

– Покоя, – прошептала Дженни пересохшими губами. – Тишины.

– Покой у мертвых, – сказала чайка. – А ты жива. Пока...

– Сколько я уже плыву? – спросила Дженни.

– Достаточно, чтобы потеряться навсегда. Но слишком мало, чтобы найти Авалон.

Солнце слепило Дженни. Океан пылал. Расплавленное золото дрожало на поверхности воды и втекало прямо в глаза.

– Что же делать?

Птица подскочила и клюнула ее в грудь.

– Больно! Сердце!

– Оно не дает тебе двигаться дальше, – сказала чайка. – Твое горе слышит весь океан. Все устали от твоих слез.

– Это все, что у меня осталось!

– Не думай о том, что потеряла. Не плачь о прошедшем. Иди вперед.

– Зачем? Там меня ждет тьма.

Тень надвинулась, закрыла солнце. Дженни подняла голову. Волна нависала над ней, мать всех волн, выше неба.

– Значит, ты не хочешь жить? – спросила чайка.

Сердце у девушки заколотилось. Она вцепилась в борта лодочки. Волна была как зверь с миллионом сверкающих глаз, и этот зверь ждал ее решения.

– Хочу, – прошептала Дженни. – Очень хочу. Я буду жить!

И наступила темнота.

Глава шестая

Пахнет яблоками. Колокольчик звенит на ветру. Этот звон режет воздух точно серебряный нож. Вечер похож на холодный яблочный пирог. Облака в узком окне хрустят и тянутся, как безе. Сумерки текут, как сок, в них можно окунать пальцы и облизывать. Прохладные простыни. Шелк скользит и ластится к телу. Ветерок гуляет над головой.

Дженни на кровати в небольшой комнате.

Стены из глыб слоистого белого камня. Деревянный потолок, доски потемнели, а балки разошлись от времени. Старый потолок, старые стены, старое место. Массивная дверь из толстых досок, схваченных металлическими полосами с угловатыми шляпками гвоздей. Такие двери обычно бывают в замках.

На стенах свечи в железных подсвечниках. Странные свечи...

Дженни села, схватилась за простыню – она была в одном белье, а тот чудный норвежский наряд, который подарила ей Элва, исчез. Где лодка? Куда исчез океан? Кто ее сюда принес? Кто раздел?

Ей стало немного смешно.

«Я как кукла, которую злые дети перетаскивают с места на место, – подумала Дженни. – Когда же у куклы кончится терпение?»

Она закуталась в простыню, подошла к окну. Пол был прохладный, но не холодный, гладкий, но не скользкий, и ходить по нему было приятно. Из узкого окна ничего не было видно, кроме неба, скал и моря.

В небе кружили чайки.

Солнце висело низко над морем, его расплавленное красное золото дрожало на гребнях волн. Мимо окна с криком пролетела чайка. Дженни отшатнулась. У чайки клюв отливал золотом.

Она уже видела такую птицу. Перед тем, как лодку накрыла волна!

Девушка легла животом на подоконник. Можно ли спуститься вниз, если связать простыни?

Окно было узкое, но Дженни таки пролезла, насколько смогла. Взгляд упал вниз, полетел вдоль стены белого камня, все ниже, а потом сорвался в пропасть, где бурлило море.

Девушка проворно отползла обратно.

«Нет уж, хватит прыжков, – решила она. – Буду ходить по лестницам».

Куда же ее занесло?

Дженни нажала на уголки глаз, огляделась *ясным взором*. Стены пронизали тугие струны синего с золотыми искрами огня. Камень загудел, в нем стало слышно скрытое эхо: шаги, неразборчивые разговоры, стук, дрожь от работы неведомых механизмов. Изменились и свечи. Пламя стояло на фитиле ровно, как солдат на карауле, хотя сильный сквозняк задувал шторы в окно. И воск не таял, не стекал застывающими ломкими потеками. Свечи горели и не сгорали.

Это не слишком удивило Дженни. После всего, что с ней случилось, она бы скорее изумилась электрической лампочке. А негораемые свечи...

Как только стало ясно, что чудеса не кончились, ей отчего-то стало спокойней.

Совсем рядом, за дверью, шел негромкий разговор. Девушка подошла к двери. Не заперта. Тихонько открыла ее, поневоле ожидая скрипа, – такие здоровенные двери должны немилосердно скрипеть, но эта открылась бесшумно.

Рабочий кабинет. Книжные шкафы до потолка, узкие заостренные окна, толстые ставни с частым переплетом, тяжелые темные гардины. Большой стол, заваленный книгами и бумагами.

Горящий гудящий камин – как яркое сердце зала. Около камина два глубоких кресла. В одном девушка, брюнетка с короткой стрижкой. В другом старик с распущенными волосами до плеч.

Девушку Дженни не знала. А мужчина...

Он обернулся, порывисто встал, и Дженни, сделав несколько быстрых шагов, уткнулась ему в грудь.

– Здравствуй...

Дженни молчала и крепко-крепко держалась за его рубашку.

– Дженни, я...

– Все хорошо. Все хорошо.

Дед погладил ее по голове.

– Ты жив. Я думала, ты умер! – она слабо ткнула его кулаком. – Марко, я так долго думала, что ты умер!

Дед гладил ее по голове, ладонь у него была шершавая, а рубашка пахла морем и немного кофе, и он все бормотал растерянно: «Все хорошо, все в порядке». Марко Франчелли был выбит из колеи, но Дженни этого не замечала. Она вообще ничего не замечала сейчас.

– Я пришла Тадеуша с одеждой, – брюнетка поднялась. Дженни мельком отметила – серые стальные глаза, точеные черты лица, тонкие губы. – Простыня ей идет, но все же лучше одеться. Рада, что ты здесь, Дженни. Авалон тебе понравится.

– А кто вы?

– Германика Бодден. Мы с твоим дедом давние друзья.

Девушка вышла.

– Я на Авалоне?

– Да, – дед улыбнулся. – Ты в Башне Дождя резиденции Службы Вольных Ловцов.

Марко усадил ее в кресло, озабоченно оглядел кабинет:

– Может, дать тебе...

– Ничего не надо, – Дженни сложила руки, откинулась в кресле. – Просто побудь рядом, посиди. Расскажи...

– Что?

– Все, – Дженни прикрыла глаза. От камина шел ровный жар, и она потихоньку начала дремать. – Все-все, Марко. Что случилось с тех пор, как мы расстались?

– Много разных вещей, миа кара, много плохого, но кое-что и хорошее. Например, нашлась ты.

– Миа кара, – сонно улыбнулась девушка. – Ты меня давно так не называл.

– Да, давно, – согласился Марко. Он потянулся, провел ладонью над ее лицом.

Дыхание Дженни стало тише, она запрокинула голову на спинку кресла и пробормотала:

– Как же хорошо, что ты жив. Не умирай больше, пожалуйста...

Марко отошел, убедившись, что Дженни уснула. Бездумно перевернул бумаги на столе. Сел в кресло, открыл ящик стола. Вынул пухлый ежедневник, раскрыл его. На развороте булавкой был закреплен старый фотоснимок. Марко Франчелли долго на него смотрел. Потом заговорил:

– Эй, Мотылек, наша девочка нашлась... Ты ведь знаешь, что она чудо, Эдна? Но ты не представляешь какое. Она сама на Авалон приплыла, без Лоцмана! А я всю жизнь думал, что это невозможно. Ты уж прости, я недоглядел за ней. Кажется, с ней много мерзкого приключилось. Но она справилась. Она вообще молодец. Жаль, что вы с Робертом не видите, какой она стала.

По кабинету бродили багровые тени от камина, а старик поглаживал желтоватым пальцем край фото:

– Зря Роб пошел следом за тобой. У нее мог быть хотя бы отец. А теперь – только я. А из меня, сама видишь, какой дед... Мне тебя не хватает, Мотылек, – Марко прикрыл глаза, закрыл записную книжку. Подпер руками голову.

Зачем он усыпил Дженни? Наверное, от растерянности.

«Что мне ей сказать? Вернее, что ей можно уже сказать, а что еще рано? Рассказать о Высоком Суде? О Фреймусе? О Талосе?»

Ее лодку нашли вчера у причала. Он видел эту... лодку. На ней страшно в садовом пруду плавать. А она пересекла Океан Вероятности.

Откуда она взялась, что за старинное платье было на ней, где она раздобыла эту древнюю посудину?

Если такова сила Видящей, то где предел ее возможностям? Откуда и для чего ей эта сила дана? И чем Дженни будет расплачиваться?

Вопросов было слишком много, а времени слишком мало. Авалон – край вечного лета и блаженства, но он однажды уже был изгнан из этого рая. И здесь не все ему рады.

В дверь постучали.

– Заходи, Тадеуш.

– Я принес одежду, мистер Франчелли, – зверодушец положил стопку одежды на стол, с интересом взглянул на Дженни. – Это ваша внучка?

Франчелли кивнул. Говорить ему не хотелось, но словоохотливого Ловца так просто было не выпроводить.

– Это правда, что она пересекла Океан в одиночку? Простите, но со вчерашнего дня в Башне только об этом и говорят.

– Правда.

– Удивительно, – после паузы сказал Тадеуш. – Она такая юная. Но это невозможно – добраться до Авалона без Лоцмана. Только Бран¹⁹ смог...

Фокусник посмотрел на него отстраненным взглядом, и зверодушец заторопился.

– Ладно, если что-то потребуется...

– Я дам знать, – Марко закрыл дверь. Вернулся к камину, сел в кресло и задумчиво взглянул на Дженни.

– Хотел бы и я знать, как у тебя это вышло, милая.

* * *

– Почему изменник еще на свободе?

– Кто сказал, что он изменник, Талос?

– Он отдал Синюю печать темнику, о чем здесь можно говорить?!

– Он отдал печать Калебу Линдону, похищенному из Магуса Англии.

– Которого поглотила химера, а химеры не могут слушаться воли своего хозяина.

– Окончательную степень вины Марко должен установить суд.

– Ты не в первый раз покрываешь Франчелли! Двадцать лет назад он уже избежал наказания за провал операции...

– Это был не провал, это было чудо, что все остались живы. Кажется, ты забыл, кто затеял дело о Девах Авалона? Ты, владыка Талос, поверил пророчествам Сновидцев, ты был убежден, что одна из этих девочек может стать Видящей. Ты хотел воскресить

¹⁹ Бран, сын Фебала – один из ирландских королей, нашедший путь на Авалон (правда, не без помощи туата и Мананана мак Лера).

исчезнувшее сословие. Ты настоял на этой операции. А когда Марко их спас и ты убедился, что ни одна из этих девочек не станет Видящей, ты свалил всю вину за неудачу на него. Хотя он сделал все, чтобы доставить девушек на Авалон. Он не виноват в том, что Сновидцы ошиблись.

– Он неверно выбрал точку эвакуации, он спровоцировал прорыв Арконы. Возможно, он уже тогда был в сговоре с темниками.

– Хуже твоего бессердечия, Талос, может быть только твоя паранойя. Марко поступил как герой, и мне до сих пор стыдно, что ему пришлось оставить Авалон.

– Это был ваш провал, Ловцы, вы не обеспечили должную охрану...

– Потому что именно ты настоял на секретности, владыка.

– Эти детали уже не важны! Суд будет, и на этот раз его не спасут ни твое заступничество, ни вся твоя служба, Юки Мацуда!

Глава седьмая

В Зале Советов свежий бриз шелестел полотнами шелка оттенков зеленого чая и цветков персика, шептал неуловимое, но Тадеуш его не слышал.

Он катал во рту глоток чая, молочный вкус улуна²⁰ оседал на языке.

– Так зачем я вам понадобился, Юки-сама²¹?

Юки Мацуда, глава Службы Вольных Ловцов Авалона, держала у тонких губ крохотную белую пиалу.

– Хотите совет, Тадеуш? Никогда не начинайте разговор первым. Составите о себе благоприятное впечатление и окажетесь в выигрышной позиции к собеседнику.

– Простите... – Тадеуш смехался.

– Хотите второй совет?

Зверодушеч заморгал.

– Не извиняйтесь слишком часто, мужчине это не идет. Скажите, что вы почувствовали в юности, когда узнали правду о Магусе? О том, кто вы есть?

Ловец вежливо улыбнулся:

– У нас особая семья. Наш хутор далеко в лесу, чужих глаз рядом нет, и никто не прячется. Я всегда знал о том, кто я такой. Я еще не вошел в возраст *охоты на духа*²², а братья оборачивались на моих глазах. Помню, сильно удивился, когда узнал, что обычные люди так не умеют.

– У вас и правда особая семья, – признала Юки. – В западных Магусах детям не принято открывать их истинную природу до наступления переходного возраста. И каждая семья сама решает, когда проводить инициацию, и проводить ли вообще.

– Вы о *свободных*²³? – фыркнул Тадеуш. – Разве это жизнь – отказаться от своей природы?

– Люди выбирают разные пути. Не всем везет так, как вам. Например, эта девушка...

– Дженни Далфин? – Тадеуш подобрался. Тема была горячая, вся Башня Дождя наполнилась слухами о «девочке, которая приплыла сама».

²⁰ Улун (wū lóng, что значит «темный дракон»), или цин ча («бирюзовый чай») – чай, который по китайской классификации занимает промежуточное положение между зеленым и красным (то есть черным) чаем. Вкус улуна меняется на протяжении всего чаепития, некоторые сорта можно заваривать от 7 до 12 раз.

²¹ Сама – один из именных суффиксов в японском языке, которые добавляются к имени (фамилии) при разговоре с человеком. Они указывают на социальное положение собеседников, на их отношение друг к другу, степень их близости. С помощью одних только именных суффиксов можно нанести собеседнику оскорбление или, наоборот, выразить глубочайшее почтение. Суффикс-сама обозначает максимально возможное уважение и почтение. Примерный аналог обращения «господин», «достопочтенный».

²² Возраст охоты на духа (время охоты на духа) наступает у зверодушеч примерно в четырнадцать лет. Когда подросток вступает в этот возраст, он проходит сложный обряд посвящения: ему нужно выйти на Дорогу Снов и найти дух того зверя, облик которого он впоследствии сможет принимать. «Зверодушцы и перевертыши сходны обликом, но разны по своей сути. Зверодушеч, о чем он свидетельствует своим своим именем, скреплен связью с духом избранного им зверя. Известно, что по достижении тринадцати-четырнадцати лет они вступают на Дорогу Снов в поисках сильного им духа зверя, однако ж в каких краях счастливой охоты ведут свою погоню юные Ловцы из рода зверодушеч, никому не ведомо. Выбирают юноши и девушки дух зверя сообразно обычаю, заведенному в их стае. Если так повелось, что деды и отцы их были волками, то и юный зверодушеч идет по их стопам и никогда не выберет дух рыси или тем паче, к примеру, препаскудного зверя росوماхи. Также и отрок из рода африканских зверодушеч предпочтет дух леопарда или гепарда, а не на редкость зверовидной гиены. Перевертыши же есть творение темников, одно из мерзостных их дел. В злобе своей темники пытались создать зверодушеч искусственно и получили существо с уязвленной природой, кое меняет облик, сообразуясь с фазами луны. Если зверодушцы вольны в выборе времени своего превращения, то перевертыши способны принять звериный вид токмо ночью, когда прибывает луна, и тем самым звериный дух в них прибавляется, ибо луна есть царица всех изменчивых...» Из записок Теодоруса Додекайнта.

²³ Свободные (от) Магуса – те из людей Договора, кто, испугавшись преследований темников, решили скрыть свои способности и жить жизнью обычных людей. Обычно презираемы и колдунами, и Магусом.

– Что вы знаете о ней?

– Она из Магуса Англии, – сказал Ловец. – Выросла в цирке. Ее опекун – Марко Франчелли. С этим Магусом недавно произошла неприятная история, в которой замешан высокопоставленный темник, Альберт Фреймус, глава Ковена Западной Англии. Дед Дженни, мистер Франчелли, тоже во всем этом участвовал...

– У Дженни было совсем другое детство, чем у вас, пан Вуйцик. До двенадцати лет она ничего не знала о том, что ее цирк – это часть древнего общества Магус. И о врагах Магуса она ничего не знала.

– У нас о темниках тоже не любят распространяться, – вставил Тадеуш. – Бабушка Ядвига тоже о колдунах никогда не говорила...

Юки чуть заметно повела локтем, и Тадеуш умолк. Он сам не знал отчего, но в ее присутствии его природная чувствительность усиливалась многократно. Он ловил малейшие оттенки ее настроения, и ему казалось, что можно услышать, как лунный свет шуршит, проскальзывая меж облаков.

– Есть пословица – не поминай черта, а то появится, – сказала директор Службы. Она сложила руки на коленях, холодный блеск шелка плеснул Ловцу в глаза. – Дженни бы узнала все в свое время, если бы не случилось катастрофы. Она по незнанию освободила из защитного контейнера ледяную химеру, Соволемура²⁴. И ей пришлось его ловить.

– Извините, Юки, но это невозможно, – возразил Тадеуш. – Требуется специальная команда подготовленных Ловцов, не меньше пяти человек, вооруженных и оснащенных по первому классу. Двенадцатилетняя девочка, ничего не знающая о Магусе, этого сделать не может.

– Судя по отчету Франчелли, она добыла имя химеры.

– Тогда она гениальный Ловец. И ей дико повезло. Или отчет сильно привирает. Я многого не знаю, но вот уж в нашем ловцовом ремесле, поверьте, разбираюсь. Это не по силам одному человеку.

Юки качнулась, протянула руку в широком, как журавлиное крыло, темно-синем рукаве с вышитыми золотыми лотосами, подлила чаю в его пиалу.

– Не частите. Тадеуш-сан, чай не терпит суеты. Показания членов Магуса подтверждают эту версию.

– А чем занимался весь остальной английский Магус?

– Сдерживали хозяина химеры. Вы же помните, кто создает химер и владеет ими, Тадеуш-сан?

Тадеуш нахмурился. Пусть ему не хватает выучки и образования, факты он может связать не хуже любого другого.

– Это же невероятный скандал! Так вот почему мы арестовали Фреймуса? Слухи ходили, что темники продолжают эксперименты, но это же открытое нападение – отправить химеру в Магус! У нас сто лет не было никаких столкновений с колдунами.

– То, что вы о них не знаете, вовсе не означает, что их не было, – заметила Юки. – Хотя Фреймус перешел границы, даже за подобный поступок мы бы не стали его задерживать. У него слишком высокий статус в иерархии темников, и наши договоренности с колдунами не дают нам таких полномочий. Но выяснилось, что мистер Фреймус совершил нечто гораздо более опасное.

Зверодушец поставил пиалу, которая вдруг стала ему мешать, и взял яблоко. Разом отхватил половину и захрустел, утирая сок, побежавший по подбородку.

²⁴ Соволемур (сомур, ледяная химера) – алхимически созданное существо, сочетающее в себе признаки полярной совы и мадагаскарского лемура. Агрессивно, практически не поддается приручению, подчиняется лишь воле сотворившего ее колдуна, с которым у нее тесная, почти родственная связь.

Юки Мацуда ничего зря не делает. Значит, надо дожидаться, когда она перейдет к делу. Не о закулисных же тайнах Магуса она позвала его беседовать?

– Дженни остановила химеру. К несчастью, к этому времени сомур успела захватить и подвергнуть *симбиозу*²⁵ Калеба Линдона, помощника их местного Ловца. Мальчик не успел даже пройти посвящение Магуса.

– Никто и никогда не выживал после *симбиоза* с химерами, – сказал Тадеуш. – Я про этих тварей все знаю, у меня прадед был в отряде Тринадцати, который охотился за химерами в позапрошлом веке.

– Да, тогда Тринадцать хорошо поработали, – согласилась глава Службы. – Видите, Тадеуш-сан, вы и сами знаете о том, что в наших отношениях с колдунами были обострения.

– Так это когда было...

– О, не так давно, – Юки взяла крохотное яблочко – почти прозрачное, с желтой кожей, чуть зарозовевшей с краю. – Время течет здесь как густой мед, вы слышали такое выражение? И у колдунов тоже хорошая память.

Бедный Калеб... О нем никто не думает, он затерялся, как мелкая монета в кармане, – ее тонкие пальцы, обтянутые сухой кожей, совсем не дрожали. – А ведь история Калеба Линдона почти так же невозможна, как и история Дженни Далфин. Он ведь не только уцелел, но и подчинил себе природу ледяной химеры.

– Они же выжимают человека досуха...

– Фреймус забрал химеру и увел с собой Калеба. Но, кажется, он до сих пор не понимает, что соединение человеческой природы и химерической субстанции породило нечто действительно небывалое. Глупый жадный Щелкунчик, он гоняется совсем за другими химерами.

Юки все вертела и вертела яблоко, не кусая его, и это удерживало внимание Тадеуша, как на крючке, на этом маленьком яблоке. Когда же она его съест?

– Я не понимаю...

– Знаете, что самое приятное в работе директора Службы Вольных Ловцов? – спросила Юки.

– Красивый вид из окна по утрам? – попытался выйти из глупого положения Ловец.

– И топот вороньих лап над головой, разумеется. Самое прекрасное – это загадки. Ты живешь очень долго и думаешь, что ничто уже не сможет тебя удивить. А потом приходит совершеннейшее дитя, и мир переворачивается.

Юки чуть откинулась назад, глаза ее сверкнули.

– Такова суть человека – он способен преобразиться, сталкиваясь с тем, что больше его. Люди несчастны, потому что не понимают своей природы. Их суть – огонь, созидающий и разрушающий мир, их судьба – все время изменяться и менять все вокруг себя. *Первые* не таковы, они всегда одни и те же, от начала веков до конца времен.

Госпожа Мацуда замолчала. Фиалковый взгляд тек куда-то поверх свечей, в пространство мысли, доступное только ей.

Тадеуш ждал. С тех пор как он ее увидел в первый раз, в подвале интенданта Сатыроса, он не мог забыть ее глаз. Он видел морщины, видел осторожные движения, и прекрасно понимал, что ей лет столько же, сколько древнему дубу на опушке его родного леса. Но

²⁵ Симбиоз (с химерами) – способность химерических созданий вступать во взаимовыгодные отношения с живыми существами. Чтобы принять форму иного существа, химере необходим *носитель* – человек или любое другое крупное существо (собака, корова, лошадь), в которого химера *вселяется*. Строго говоря, подобный способ выживания более похож на паразитизм, если к настолько неестественному созданию вообще применимы биологические термины. Этой повадкой сомур схож с японской кошкой-оборотнем бакенеко, однако те полностью пожирают людей, а после принимают их облик. А у жертв сомура все же есть небольшой шанс остаться в живых. Что касается случая с Калебом, то он уникален.

в ней фиолетовым пламенем сквозил вечно живой дух, у которого нет возраста, и Тадеуш любовался его светом.

– Как я сказала, на своем пути люди совершают поступки, которые определяют не только их судьбу, но и судьбу многих вокруг, – продолжила директор. – Марко Франчелли собрал *Малую Радугу*²⁶ из семи членов своего Магуса и напал на резиденцию Альберта Фреймуса, чтобы вернуть Калеба.

– Я думал, такое только в сказках бывает, – растерянно сказал Тадеуш. – Знаете, детям рассказывают. О хитром Ловце и трех глупых Троллях, или как Бард в гости к Колдуну ходил...

– На Западе давно не рассказывают, – покачала головой Юки. – В большинстве семей Магуса боятся своего прошлого. Поблагодарите бабушку за классическое образование.

Тадеуш не знал что и думать. Мистер Франчелли просто отчаянный человек. Штурмовать укрепленную резиденцию темника высшего ранга всемером...

– Как Франчелли мог взять с собой внучку? Они же шли на смерть!

– В данном случае Дженни сама захотела участвовать в штурме.

– Постойте... – пробормотал Тадеуш. – Этот тот самый Фреймус-хаус в дартмурских пустошах, который сгорел дотла? Так это дело их рук?! Тем более он не имел права ее втягивать, она еще ребенок!

– Ребенок, который прошел путем Древней Земли и одолел ледяную химеру. Она полноправный член Магуса, и, согласитесь, пан Вуйцик, у нее были резоны для ответного визита.

– Как же они уцелели при штурме?

– Удивительно, но жертвы были только со стороны Фреймуса, – Юки улыбнулась одними уголками губ. – Команда Марко нашла Калеба и разрушила резиденцию до основания. Однако Калев отказался уходить. Потом появились *одержимые*. Радуга отступила, оставив Дженни, которая попала в плен к темнику.

– Он ее бросил... – Тадеуш вспомнил усталую хрупкую девочку, спящую в кресле.

– Радуга столкнулась с *одержимыми*, – пояснила Юки. – Это люди, в которых вселился сонм демониюв, малых демонов Тартара. Мистер Фреймус сумел создать три подобных существа. Без подготовки одолеть их нельзя, поэтому Марко не оставалось ничего, кроме как отступить.

– Я мало знаю про темников, но ведь они утратили эту способность с тех пор, как был заключен Договор!

Юки пожала хрупкими плечами:

– Это предстоит выяснить. Но вы опять меня прервали, Тадеуш-сан.

– Простите. Больше не повторится.

– Не зарекайтесь, думаю, повторится, – госпожа директор смеялась – одними невозможными фиалковыми глазами. – Мы уже почти подошли к концу истории.

Тадеуш Вуйцик изобразил полнейшую готовность внимать каждому звуку из уст госпожи директора.

– Дженни переместили на Садстоун, небольшой скалистый островок у восточных берегов Шотландии. Темник выкупил весь остров. Зимнее море, утесы, рифы, вооруженная охрана, автоматические системы безопасности – стальные двери, датчики движения, температуры, массы, объема, скорострельные компьютеризированные системы. Щелкунчик боль-

²⁶ Малая Радуга – объединение членов Магуса, которое усиливает их способности. В малую радугу должны входить семь человек из всех сословий Магуса, но поскольку сословие Видящих давно утратило, все прежде создаваемые Малые Радуги не достигали своего пика. При штурме особняка колдуна в Дартмуре Марко Франчелли соединил силы своей команды в Малую Радугу, а поскольку в ее состав вошла Дженни (как возможная Видящая), радуга Франчелли была необычайно сильна. Именно это обстоятельство позволило циркачам разрушить особняк Фреймуса.

шой поклонник автоматике. До недавнего времени считалось, что убежать с его острова невозможно. Но Дженни исчезла с Садстоуна в декабре прошлого года.

– А сейчас сентябрь по времени Внешних земель, – пробормотал Тадеуш. – Где она была все это время?

– И как сумела попасть на Авалон, да? Столько вопросов сразу... – Юки слегка наклонилась в сторону Тадеуша. – Будьте рядом с ней, Тадеуш-сан. Помогайте освоиться на Авалоне. Если она захочет поохотиться на единорогов, вы будете их загонять и при необходимости разделявать. Захочет пробраться в Зал Собраний Великого Совета или отломить кусочек на память от Врат Фейри – будете на подхвате. Станьте ее другом. И не спускайте с нее глаз.

Тадеуш растерялся:

– Прошу прощения, Юки-сама, но это...

Вуйцик отвел взгляд.

«У нее глаза дьявола, они живут сами по себе! Словно это другое создание в этом ветхом теле. Сильное, молодое и коварное».

– Это подло, – собравшись с духом, сказал он. – Как стажер Магуса, я готов выполнить любое ваше указание. Но только не это.

– И вы готовы рискнуть карьерой в СВЛ ради неизвестной девочки?

– Не ради девочки, – твердо сказал Тадеуш. Когда решение было принято, ему стало легко. Его деньки на Авалоне сочтены, это ясно. Собирай пожитки, стажер Вуйцик, сдавай свой читательский билет и книжки библиотекарю Мимиру и выметайся во Внешние земли, в родные болота комаров кормить. Ты слишком туп для СВЛ. – Ради себя, – упрямо сказал Тадеуш. – Меня не так воспитали, чтобы я предлагал фальшивую дружбу человеку и втайне за ним шпионил.

– Пан Вуйцик, у вас блестящие способности. Вы понимаете, от чего отказываетесь?

Тадеуш еще раз окунулся в аметистовое море взгляда Юки Мацуда и кивнул. Госпожа директор погрузилась в молчание.

Тадеуш понял, что ответа не получит. Вернее, ее молчание и было ответом – убирайся!

Он потянулся встать...

– Я очень рада, – сказала госпожа директор.

– Простите? – выдохнул зверодушец, замерев на одном колене.

– Я рада, что не ошиблась в вас, Тадеуш-сан, – пропела глава СВЛ хрустальным голосом. – Вы именно тот, кто мне нужен.

– Но я же сказал, что не буду...

– И не надо. Неужели вы думаете, что у меня нет иных возможностей в пределах Авалона проследить за Дженни Далфин, кроме как прибегнуть к помощи юного польского волка?

Тадеуш побагровел:

– Тогда зачем вы все это рассказали?

– Чтобы понять, тот ли вы человек, который может стать Дженни другом.

– Другом? – тупо повторил Тадеуш. Ему до смерти хотелось выскочить куда-нибудь в лес и хорошенько пробежаться в зверином облике. Как все просто, когда ты волк! Вот лес – полный запахов, открытый тебе как родной дом. Вот сильные лапы, острые зубы, чуткий нос и острый слух. Вот дрожащая от страха добыча, спасающая свою жизнь. Вот собратья-волки, серые молнии под пологом леса. И никаких проблем!

Юки рассмеялась. Это было похоже на звон маленьких фарфоровых колокольчиков. Он бы никогда не подумал, что люди могут так смеяться.

– Ах, Тадеуш-сан, посылать шпионить человека, настолько не умеющего скрывать, о чем он думает, – это ниже моего достоинства. Из вас получится дрянной соглядатай, но отменный друг.

– Но как же... – с отчаянием начал зверодушец, но Юки прервала его:

– Просто будьте рядом. Ей нужна помощь, чтобы привыкнуть к Авалону. Я официально назначаю вас ее гидом и сопровождающим. Вы не обязаны ничего мне рассказывать и не должны приходить с докладами. Прошу вас лишь об одном одолжении – дайте знать, если ей что-то угрожает.

– Что именно? – нахмурился Тадеуш.

– Если бы я знала, то не просила бы приглядывать за ней, – Юки пожала плечами – неожиданно, будто юная школьница. – Авалон не такое безмятежное место, как вам кажется, здесь многое скрыто. Итак, вы согласны на такие условия?

– Согласен, – сказал Тадеуш. – Я буду ее гидом и помогу ей разобраться что к чему. Но ее другом, даже по вашему приказу, я все равно не стану.

– Именно поэтому я вас и выбрала, – улыбнулась Юки и взмахнула рукавом. Свечи погасли, осталась лишь одна дорожка из огоньков к выходу. – Спасибо, пан Вуйцик. Можете уже подняться. Или вы собрались делать мне предложение?

Тадеуш с ужасом обнаружил, что до сих пор стоит на одном колене, в той же позе, в какой его застала реплика Юки. Бормоча невнятные «до-свидания-гспжа-директр-мне-пжлуй-и-правд-пора», он поднялся, красный как рак, и, припадая на затекшую ногу, поплелся к выходу. Проклятые шелковые тряпки лезли в лицо, щекотали нос, и зверодушец с трудом сдерживал чих. Он добрался до тяжелых двустворчатых дверей, распахнул их и, едва ступив за порог Зала Советов, оглушительно чихнул.

– Будьте здоровы, Тадеуш-сан, – донеслось из зала.

– Спасибо! – зверодушец захлопнул двери.

Секретарь Юки Мацуда Август Додекайнт поднял глаза и почесал длинный породистый нос. Крохотный человечек в жилетке серой шерсти с искрой и белой рубашке с закатанными рукавами. Черные волнистые волосы забраны в длинный пучок. Август очинял карандаш, засунув его в конструкцию, напоминающую паровую мясорубку. Устройство тихонечко свистело.

Тадеуш недобро смотрел на секретаря. Человечек занервничал.

– Вот приказ о вашем назначении, – Август торопливо отгиснул кольцо-печатку на документе. – Поздравляю с первым заданием, стажер.

Тадеуш взял приказ, пробежал глазами – все верно, гид и сопровождающий, – сложил вчетверо, сунул в карман и, горестно почесывая в затылке, пошел в свою келью. Эту проблему нужно было заесть и переспать.

* * *

– *Что здесь делает Дженни Далфин?*

– *Как любой член Магуса, она имеет право на посещение Авалона.*

– *Кто провел ее сквозь Океан Вероятности?*

– *Не знаю.*

– *И тебя это не тревожит?*

– *Скорее занимает. Куда важнее понять, как темник сумел призвать демонов из Тар-тара.*

– *Решение о делах Фреймуса и Франчелли примет Высокий Суд. Но эта девочка опасна.*

– *Есть ли у тебя сердце, Талос? Она дочь Роберта, твоего сына...*

– *Она дочь Эдны Паркер. Из-за ее матери Роберт покинул Авалон. Из-за нее он погиб. Если Дженнифер помогут сюда попасть, она просто опасна. Если добралась сюда сама – она угроза всему миру.*

Это значит, что она Видящая.

– Даже если так, с чего ты решил, что Дженни обладает переводаром?

– Мы живем среди вероятностей, для нас возможность равнозначна реальности. Дженни следует передать Лекарям, немедленно!

– Она под моей защитой.

– Не лукавь! Ты просто хочешь удержать контроль над переводаром. Вы слишком высоко поднялись, Ловцы, будет больно падать. И у твоих сил есть предел!

– О своих пределах я ведаю. Беда происходит тогда, когда кто-то решает, что ему не положен никакой предел, владыка Талос...

Глава восьмая

Библиограф Мимир работал. Он мерно поднимал и опускал сачок на длинной ручке, вылавливая заблудившиеся книги. Те сбились в стаю под самым куполом библиотеки Башни Дождя и вяло шевелили обложками.

Фокусник, свесив ноги, листал висящую в воздухе книгу.

– Что ты ищешь? – спросил Мимир, когда Марко со вздохом захлопнул том и легким жестом усладил его прочь.

– Не знаю, – признался Марко. – Хроники начальных времен Магуса... их почти не осталось.

– В то время люди Магуса жили просто. История их не заботила, они сами были историей. А когда началась война с «темниками», вам стало не до хроник. Ваша Служба и Совет появились еще позже. Всего тысячу лет назад. Чего же ты хочешь?

– Правды.

Одна из книг рванулась прочь, прямо на факел голубого огня в центре свода.

Великан быстро повел сачком и пресек ее самоубийственный порыв.

Торопливо выхватил том, перелистал дымящиеся страницы, озабоченно качая головой. Захлопнул на замок и примкнул строптивый экземпляр на цепь у пояса.

– Прошлое похоже на подземелье, куда веками складывали вещи. Опасные вещи, – сказал великан. – А книга – тихая свеча и освещает малую часть подземелья. Зачем ты лезешь в черный подвал, юный Ловец?

Марко улыбнулся:

– Давно меня никто так не называл.

– Какая разница, сколько лет твоему телу? Твое сердце бьется так сильно, что я слышу его за стенами библиотеки. Так какой правды ты ищешь?

– Хочу понять, что произошло, когда был подписан Договор. Хочу знать, кто такие Видящие.

– Есть знание, которое может переломить хребет, – не сразу ответил великан. – Ты уверен?

– Больше, чем когда-либо, – твердо сказал Марко. – Больше, чем тогда, на Рюгене.

Мимир грянул сачком о доски, мостки зашатались, и Марко едва не улетел, успев ухватиться за перильца.

Стены библиотеки затряслись, книжные стеллажи содрогнулись от единого удара, когда тысячи книг разом сорвались с насиженных мест, заметались по гулкому колодцу, где закрутился вихрь бумаги, пергамента, кожи. Мимир протянул руку и выхватил из шелестящего потока неприметный том, утихомирив в костистой ладони, протянул фокуснику:

– Это лишь слабый след, но большего у меня нет. *Первые* не помнят и этого.

– Что значит – не помнят? – пальцы Марко дрогнули над книгой.

– Мы знаем, что было от начала времен до битвы на поле Тальтиу. И что было после, – сказал великан. – Но что случилось тогда, когда был заключен Договор, никто из *первых* не помнит.

– Никто?!

– Солнце победы клонилось на сторону *первых*, – хмуро сказал Мимир. – Вожди людей были повержены, семь владык фейри были непобедимы. Меч Нуаду²⁷ разил без промаха.

²⁷ Меч Нуаду – Нуаду, один из королей туата де Данна (племен богини Дану), обладал одним из четырех сокровищ туата, волшебным «Мечом Солнца» (Cláíomh Solais), который «стоило вынуть из боевых ножен, как никто уже не мог от него склониться, и удар его невозможно было отразить».

Войска подступали к холмам, на которых стояли шатры людей. А потом... Один миг – и мир оказался иным, совсем иным. Вожди были повержены, скованы в Печатях, большинство из нас оказались в Скрытых землях, а те, кто уцелел, стали таиться во мраке.

Марко крепко держал книгу. Теперь он ее не отпустит.

– Обойди все Скрытые земли, опроси всех на Авалоне, перетряси всех, кто еще остался во Внешних землях, они все ответят тебе одно и то же, – сказал Мимир. – Я двести лет потратил на поиски ответа. Все впустую. Ответ – что же случилось на поле Тальтиу – надо искать у людей.

Книги возвращались на свои места, суетливо хлопая обложками, втискивались на полки. Мимир посмотрел вниз, и улыбка тенью промелькнула по его хмурому громадному лицу.

– Тадеуш пришел.

* * *

Дженни открыла глаза. Оказывается, она плакала. Отчего, почему, о ком? И сама не скажет – сон стремительно исчезал, таял, как снег под дождем, острая боль уступала место тихой печали, звонкой тишине внутри. И слезы высыхают на щеках.

Было ли это воспоминание о прошлом, которого не вернешь, или горькое предчувствие будущего? Дженни ни в чем не была уверена. Если бы Арвет был рядом, все было бы иначе.

Если бы он был рядом.

Свет сквозь частый оконный переплет дробил комнату на светлые прямоугольники.

Сколько она проспала?

Разве это важно...

Кажется, она уже просыпалась в этой комнате, встретила с Марко и... потом заснула?

Возле кровати лежала стопка одежды, и Дженни взялась за нее с плохим предчувствием.

Так и есть.

Джинсы китайского пошива в стиле «раз мешок, два мешок, сверху будет ремешок». Растянутая толстовка а-ля «увидеть Гарлем и умереть». Тошнотворная футболка с покемонами. Кроссовки у кровати окончательно укрепили ее во мнении, что сегодня она будет выглядеть как подросток из бедной американской семьи, живущей в трейлере и питающейся скунсами и гремучими змеями, которые забегают и заползают к ним во двор.

Небольшой умывальник обнаружился в углу, вчера она его не заметила. Как ни старалась не глядеть, но все же оценила вид в зеркале на стене. И в раздражении вышла к деду.

Ветер бродил по комнате и ворошил бумаги на столе. Марко Франчелли швырял чайкам еду из распахнутого окна.

Дженни неслышно встала у него за спиной. Раньше они играли в подобные игры. Например, «проберись на кухню и укради печенье, чтобы дед в своей половине вагончика не услышал и шороха». Раньше...

Готовил ли Марко ее так к жизни в Магусе? Сколько в его действиях было любви, а сколько – расчетливого смысла?

Дженни помотала головой. Раньше она бы возмутилась, если бы это оказалось правдой, но сейчас... это такая ерунда. Главное, дед все-таки жив, ее не обмануло предчувствие, не солгали голоса, которые она слышала на Дороге Снов все эти месяцы, наполненные отчаянием.

Марко обернулся.

Дженни подошла, обняла его, замерла. Успокоилась.

Дед погладил ее по голове. Ветер бродил по комнате. Внутри Дженни было так же прозрачно, ветрено и тихо.

Когда она была маленькой, то забиралась к деду на колени и требовала сказки. И дед рассказывал – старинные сказки, чудные, про великанов и людей, про гоблинов и богов, про дела давние, давно забытые, времена, когда волшебные существа жили среди людей.

– А что ты делаешь? – спросила она.

– Чаек кормлю.

Девушка заглянула в пакет и изумилась:

– Чипсы?! Ты этих клювокрылых чипсами кормишь?

– Почему бы и нет?

– Вот почему! – Дженни решительно отобрала пакет, забралась с ногами в кресло и сурово поглядела на деда. – Будет серьезный разговор, – предупредила она. – Так что не вздумай хвататься за жабу-светоеда или исчезать в дыму и пламени. Не поможет. У меня куча вопросов, и ты сейчас будешь ее разгребать. Никуда не денешься.

Марко безропотно поднял руки:

– Спрашивай о чем хочешь.

– Что, правда? – поразилась Дженни. – Никаких встречных условий? Ничего в духе «доро-гая-сперва-посади-семь-кустов-роз-и-перебери-го-рох»?

– Капитуляция на твоих условиях, – подтвердил дед. – Валяй, мучай старика.

– На тебе где сядешь, там и слезешь. Где мой бюнад?

– Что?

– Платье мое, в котором я приплыла. Оно было красивое. В отличие от того, что сейчас на мне надето, Марко. Это вообще трудно назвать одеждой.

– Наверное, у Юки, – задумался дед. – Я принесу.

– Да уж принеси! – строго кивнула девушка. – А то я буду ходить в простыне. Кто такая Юки, и где ты, черт возьми, достал чипсы? У вас тут в замке супермаркет?

– Юки Мацуда – глава Службы Вольных Ловцов. Самая главная в Башне Дождя. А чипсы я захватил из Внешних земель.

Дженни захрустела чипсами. Дед терпеливо ждал.

Она хотела сказать, что очень соскучилась, но с языка сорвался вопрос, который она таила и не хотела задавать:

– Почему вы меня не спасли тогда, во время штурма?

Марко повернулся спиной к окну, солнечный свет обтекал его. Распушенные седые волосы засверкали, и лица его Дженни не видела.

– Мы не могли вернуться, – сказал дед – Я не подготовился к столкновению с *одержимыми*. Нам пришлось отступить.

– Без меня?!

– Нам пришлось, – Марко говорил сухо и отрывисто, и это больше всего задело Дженни. Он мог бы сказать, что ему очень жаль. Хотя бы это!

«А тебя бы это утешило? – сама у себя спросила Дженни. Холодная, злая, собранная, как перед трюком, взрослая Дженни – у той прежней беспечной девчонки. – Тебе стало бы легче?

– Нет. Но мне стало бы понятней!»

– Мы бы все погибли, и тебя никто бы не спас.

– Меня и так никто не спас! – Дженни смяла пакет. – Фреймус допрашивал меня. Он мне сыворотку правды вколол! Паука на вену посадил! Я его с мясом вырвала!

Она задрала рукав, Марко прикрыл глаза. Конечно, он видел этот шрам, когда ее принесли. Но знать причину этого шрама...

– Если бы я мог отдать жизнь и спасти тебя, я бы так и сделал, – сказал Марко. – Но...

– ...но ты не отдал жизнь! – зло бросила Дженни. Она не думала, что в ней осталось столько боли и ярости. И ведь столько времени прошло, столько всего пережито, а этот невыговоренный ужас все сидит в душе, еще жжет сердце.

Лицо у Марко окаменело.

А Дженни продолжала, она выплескивала все, что накопилось за время разлуки, – страх, боль, горе...

– Зачем ты потащил нас туда?! Зачем так рисковал?!

– Потому что я должен был спасти Калеба.

– Но ты должен был быть готов ко всему! – взвилась девушка. – Ты был нашим командиром, мы шли за тобой!

Дед поднял руку к подбородку, замер, как статуя.

– Я же думала, что вы все погибли! – наружу рвался плач, но Дженни безжалостно давила его. – Ты понимаешь, что я жила с этим? Нельзя было присниться в конце концов?! Я вижу только то, что ты не сделал. Я сама сбежала. Сама добралась до Норвегии. Сама приплыла на Авалон.

Марко сел за стол. Помолчал, повертел в руках ручку, отбросил в сторону.

– Ты права. У тебя есть полное право обвинять меня. Даже ненавидеть. Я не остановил тебя, когда ты решила идти на штурм особняка. Я допустил, чтобы тебя захватили одержимые. И я не спас тебя... не успел спасти. Я действовал слишком медленно.

Дед смотрел в сторону. Дженни глотала быстрые горячие слезы. Она не хотела никого побеждать и никому ничего доказывать! Она просто хотела, чтобы Марко понял, как ей было плохо. Она плакала, пока сердце не успокоилось, пока острая боль не сменилась тупой, какую можно терпеть изо дня в день. Марко катал пальцами карандаш по столу – вперед-назад, методично и бездумно. Это сводило Дженни с ума.

– Ты точно искал меня?

Марко поднял глаза, и у Дженни на мгновение закружилась голова – столько в них было тоски и боли. Но миг миновал, и вот уже он смотрит привычно непроницаемым взглядом:

– Все время. Каждую минуту с тех пор, как тебя забрали, я думал, как тебя вернуть.

– Сигнал бы прислал, – упрекнула она, вытерев глаза ладонью.

– Если я выйду на Дорогу Снов, то не смогу вернуться. Меня там ждет стая... очень давно. Я искал тебя. Подставил Фреймуса. Теперь этому мерзавцу придется несладко. Но спасти тебя не успел.

– Ладно, я и сама справилась, – Дженни попыталась улыбнуться. – Не ожидал ведь, да?

– Ты меня очень удивила.

– Нужны мне эти подвиги! – фыркнула Дженни. – Лучше я бы номер сейчас репетировала... Я так долго думала, как буду все рассказывать, и вот теперь не знаю, как это сделать. Я ведь море проплыла, представляешь? Стала дельфином! Дьюла говорил, что в водных зверей никто не превращается. А я превратилась, представляешь? И главное, все как-то само получилось. Вот Дьюла удивится, да? Как он, кстати?

– Фреймус запер его в зверином теле. Они с Брэдли скрываются.

– А Людвиг?

– Он на Авалоне. Один из *одержимых* проклял его, и Людвиг едва не умер. Сейчас проходит курс реабилитации.

– А Эдвард и Эвелина?!

– Тоже в бегах. За ними и за Брэдли Фреймус послал в погоню *одержимых*.

– А Лас...

Дед молчал.

– Марко?!

– Ты не видела, чем кончился бой, – сказал он. – От замка Фреймуса ничего не осталось. Огонь, дым, чудовища из экзопарка рвали охрану на части, Дьюла почти сошел с ума, Роджер едва его сдерживал. Людвиг быстро терял силы, у Эвелины *одержимые* отняли *музыку*²⁸, а значит, оглушили ее, на время оторвали от мира... В этой суматохе мы потеряли Ласа. Я надеялся, что он выберется и прибежит ко мне. Но он не вернулся.

Дженни встала, прошла по комнате. Лас погиб.

Погиб?

Такого просто быть не может.

– Нет, он жив. Я чувствую... – Дженни положила руку под сердце. – Он жив, он меня ищет.

– Если бы ты была обычной девочкой, я бы сказал, что ты просто пытаешься успокоиться ложной надеждой, – дед посмотрел на нее пристально. – Но ты необычная девочка.

– По мне, так чересчур необычная! Почему я не могу быть нормальной?!

Марко взял тяжелый стул с высокой резной спинкой, сел напротив.

Потер виски, сжал ладони в замок.

– Мы не выбираем судьбу, милая. И она нас не выбирает. Люди сами ее творят – ты это крепко запомни. Есть обстоятельства, которые начали действовать задолго до твоего рождения и действуют по сей день. Они влияют на тебя, они ставят тебя перед выбором, но только ты решаешь, как поступать.

– Не понимаю. Какие обстоятельства? Какой выбор? – Ей было страшно. Нет, Элва не права – и Авалон не был убежищем!

– Это как закон тяготения. Все подчиняется ему, но человек может преодолеть его и подняться в воздух. Надо только иметь крепкие крылья и хорошенько разбежаться. Не так важно, кем и где ты родилась. Важно, кем ты станешь и какой выбор сделаешь, когда придет время. – Марко погладил ее по голове.

– Ничегошеньки не понимаю.

– Это хорошо, – Марко все гладил ее по волосам, и голова у Дженни кружилась. – Не все надо понимать сразу, а о некоторых вещах даже не стоит догадываться. Главное, ты здесь. Знаешь, я хотел это сделать более торжественно...

Марко достал из кармана коробочку, открыл ее. В ладонь Дженни мягкой тяжестью втекла цепочка с кулоном. Серебряный дельфин с синими цирконовыми глазами.

– Мамин кулон! Вот спасибо... Но где ты его достал? Я уж попрощалась с ним.

– Фреймус подарил, – Марко недобро усмехнулся.

Дженни залюбовалась сверкающим дельфином:

– Я скучала по нему. Спасибо! – Она сжала кулон в кулаке, прижала к сердцу. – Ничего, я не сержусь на тебя. Ты не мог иначе, я понимаю, ты спасал остальных. Без них вы бы не смогли вернуться за мной – все правильно. Просто там было очень страшно. Белые стены, белый пластик, белый потолок. Допросы бесконечные. И еще паук...

Марко обнял ее.

– Тебя нашла, дед, а все равно плохо. Так больно, – призналась она. – Как будто из сердца вытянули золотую струну и протянули через весь океан. И волны дергают за эту нить, все время ее теребят. Никак не хотят оставить в покое. Дед, а вдруг меня заколдовали? Есть у темников такое волшебство?

Франчелли покосился на нее:

– Миа кара, и как его зовут?

Девушка слабо улыбнулась:

²⁸ Отняли музыку – для Бардов понятие «музыка» гораздо шире, чем для обыкновенных людей. Музыка – это способность слышать мир, способность понимать его стремление к гармонии.

– Арвет.

– Необычное имя.

– Саамское. Он саам. Представляешь? А бабушка у него – из Магуса! Она мне и помогла попасть на Авалон.

Марко задумался:

– Шаманка-нойда. Они еще остались? Как ее звали?

– Элва. Она нас встретила, когда мы приехали от Смора, вернее, когда нас чаплинги привезли, потому что Смор нас выставил из-за того, что Арвет чуть не разрушил его пещеры. А потом оказалось, что Смор вообще не человек и не великан, а дух ледника. Такой огромный ледяной дракон. Но он хороший, на самом деле, он спас нас от демония! Представляешь, мы с Арветом удрали от Хампельмана – это прислужник Фреймуса, такая скотина, ну ты, наверное, его видел. Он за нами гнался и даже ранил Арвета. Но мы со склона съехали на лыжах, и он отстал от нас. Наверное, до сих пор там по горам бродит. Чтоб его тролли съели. А мы доехали до ледника, и вдруг появился демоний. Он вселился в тело Бьорна – это был внук одной женщины, Кристин Эгиль, у которой я остановилась, когда приплыла в Норвегию. Вернее, меня Арвет из пещеры вытащил и спас, а потом мы переехали в дом Кристин. А она взяла и сдала меня полиции, и меня увезли в приют. Туда приехал Арвет на снегоходе и спас меня. Но за нами погнался Хампельман. Вот.

– Мама мия! – Франчелли сел на стул. – А теперь все то же самое, но в хронологическом порядке, от начала к концу. И со всеми подробностями.

– Ну дед... я же все уже...

– Сначала! – сверкнул глазами Марко.

Дженни со скорбью в голосе начала, но потом увлеклась и принялась рассказывать во всех красках. Марко слушал, изредка задавал вопросы. Когда Дженни закончила, он встал, открыл встроенный бар и налил себе чего-то янтарного в квадратный бокал. Немного повозился у камина с джезвой на длинной ручке и принес Дженни высокий бокал для латте с горячим фруктовым чаем.

– О, спасибо, чипсы страшно соленые!

– Итак, Элва дала тебе платье и отправила на Авалон в этой... – Марко щелкнул пальцами.

– ...кережке, – подсказала Дженни. – Я думала, это сани, а они еще и плавать могут.

– Да, то, что они не утонули, едва отплыв от берега, – это великое волшебство, – с легкой злостью согласился Марко. – Я бы с превеликим желанием поговорил с этой шаманкой!

– Она хорошая. Она просто оберегала Арвета.

– От кого?

– От меня, – пожала плечами девушка. – Она мне гадала... и выходило все время только одно – идет тьма из-за пределов мира. За мной. Что это значит?

– И что ты видела при гадании? – ровным голосом спросил Франчелли.

– Лицо...

– Какое?

– Страшное. Темное, как опаленная головешка, – девушка поежилась. – Хотела бы забыть о нем навсегда, но оно иногда снится. И его глаза. Они такие... в них нет жизни, но есть голодная страсть. Неутоленная жажда и страшная тоска.

Дед откинулся на спинку, баюкая тяжелый стакан. Взгляд его блуждал по комнате.

– Надо подумать...

Он поднялся.

– Стой! А мне что делать?

– Как – что? Развлекаться, – изумился Марко. – Башня Дождя сверху донизу набита чудесами и приключениями, это же сердце Службы Вольных Ловцов!

– Мне бы кресло-качалку, молочный коктейль и тихий вид на море. Я за последнее время наприключенилась уже.

– И это здесь есть, – воскликнул дед, – Отличное кафе «Последняя песня» с видом на море! Хозяйку зовут Сирена. Пойдем позавтракаем. Пропустим по чашке кофе с мороженым.

– Здесь есть кафе? – поразила Дженни. – И там подают кофе глясе²⁹?

– Там есть все. Одних коктейлей больше тысячи. «Холодные берега», «Трое из леса», «Многорукий бог», «Посмотри в глаза чудовищ», «Герой должен быть один»... – принялся перечислять Марко. – Последний мой любимый, кстати. Берется вкрутую сваренное яйцо...

– А картошка фри?! – оборвала деда Дженни. – С рыбой? Я до смерти соскучилась в Норвегии по нормальной еде.

– Беги обувайся.

Дженни направилась к гардеробу. Марко подошел к распахнутому окну. Улыбка застыла на его лице, как забытое пальто в гардеробе, – одиноко, потерянно, бессмысленно. Он залпом допил содержимое стакана.

– Тьма из-за пределов мира? – сказал он морю и солнцу, что танцевало на лазоревой глади. – Нет, Господин Охоты, ты забрал кусок моей жизни, ты увел Эдну, но Дженни я тебе не отдам.

²⁹ Кофе-глясе – (от *фр.* *glacé* – ледяной, замороженный) – холодный напиток на основе кофе, с добавлением мороженого. В качестве посуды обычно используется стеклянный стакан или фужер.

Глава девятая

Кафе «Последняя песня» угнездилось у подножия Башни Дождя, на широком скальном уступе. Отгородившись от пропасти заборчиком темного дерева, выкатив на каменистую ладонь скалы легкомысленные столики и ажурные стулья, раскинув зонтики, кафе старалось изо всех сил производить впечатление обычного туристического местечка. Из тех забегаловок, что ждут туристов в конечной точке их маршрута из жаркой долины к холодным вершинам. Когда разгоряченные, еще несущие в себе тепло низин и влагу морского берега, туристы вываливаются в прозрачный, выветренный от запахов и признаков жизни воздух высокогорья. Оглядываются, еще не понимая, куда попали, и вдруг ежатся, даже не от пронизывающего ветра, а скорее от пробирающего до костей отсутствия жизни. Горы стирают человека с лица земли своим присутствием, уничтожают его в его малости, и тогда человек в ужасе кидается к теплу, к очагу, к еде, ко всему, что символизирует жизнь. «Все это есть у нас!» – гостеприимно распахивают свои двери кафешки и рестораны. Потому на горных курортах всегда забиты все едальни – люди в них прячутся от невыносимого великолепия гор.

Так и «Последняя песня» притворялась средиземноморским ресторанчиком средней руки – отчаянно, до белых занавесок в окнах, горшочков с примулами и спящих на подоконниках кошек удивительных мраморных расцветок. Над площадкой плыли запахи мяты и орегано, тмина и корицы, запахи тушеных в оливковом масле и вине мидий и фаршированных козьим сыром осьминогов, а следом их догоняли запахи свинины под медовым соусом. Фонарики по краю ограды качались на легком ветру. Курорт, да и только...

Снимай, Дженни, серебряной ложечкой тающий айсберг мороженого в своем бокале с кофе глясе, звени стеклом и серебром, смотри, как блещет море, слушай, как плещут волны внизу. Только не поднимай глаза, когда на тебя падает тень от облака, потому что прямо над головой – белая башня, как парус огромного корабля, и вершина ее увенчана облаками. Чайки парят над тобой, клювы их отливают золотом, их голоса пронзительны.

Увидишь и разом понимаешь, что нет ничего обычного в этом месте, и даже кафе до последнего гвоздя в ограде не от мира того, из которого ты прибыла...

– Это и есть Авалон? – Дженни аккуратно собрала ажурную пенку, постучала по краешку бокала. Кофе не бодрил, а скорее тревожил, выводил из состояния равновесия, в каком она толком и не была. Может, все дело в здешней воде?

– Один из островов, – ответил дед. Он ничего не заказал, а все поглядывал на море и писал в пухлом дневнике в потрепанной кожаной обложке, пока Дженни поглощала фиш энд чипс³⁰, шумно радуясь родной пище. Лицо его, заостренное и хмурое, слегка посветлело.

– Авалон – это архипелаг. Здесь около девяноста островов. Там столица, – он махнул на запад, – Янтарный остров. Там Великий Совет, там Врата Фейри. А мы на острове Службы Вольных Ловцов. Тут у нас... вернее у них, экзопарк, тренировочный полигон, мастерские Сатыроса. Есть еще остров Лекарей, с Замком Печали, где сейчас держат Фреймуса...

– Он здесь?! – вскинулась девушка. – Вы что, с ума сошли?

– Темнику придется ответить за нарушение договоренностей между темниками и Магусом. Он призвал демониев, он напал на Магус Англии...

– Да его надо было в бетон закатать при первой возможности... – Дженни сама не заметила, как схватила салфетку и принялась ошипывать ее края.

³⁰ Фиш энд чипс (Fish and Chips, Fish&Chips, Fish `n` Chips) – блюдо из рыбы, обжаренной во фритюре, и нарезанного крупными ломтиками картофеля фри, неофициальное национальное английское блюдо. Гарнир к рыбе с чипсами – гороховое пюре, маринованный лук, маринованные огурцы или тушеная в томатном соусе фасоль. Запивают чаем. В прошлые времена рыбу с чипсами продавали завернутыми во вчерашний номер бульварной газеты и ели руками.

– Стоило бежать на Авалон, чтобы найти здесь того, от кого бежала, – с нервным смешком заметила она.

– Здесь Фреймус тебе не навредит. Его надежно охраняют. Берегут для суда.

– Хочется верить. – Слово – щипок, слово – щипок, и салфетка лохматится по краю, обрастает бахромой. – Но не получается. Ты не знаешь его, Марко. Он жестокий, хитрый и... жестокий. Знаю, что повторяюсь, не поправляй. Он... зря вы его привезли сюда!

Дженни было не по себе. Шутка ли – она проделала такой путь, а в конце ее встречает Фреймус! Хорошенькое дело.

«Беги на Авалон, прячась за краем мира, там тьма тебя не достанет! Вот же присоветовала шаманка. Да тут тьма с доставкой на дом!»

Дженни гневно швырнула разодранную в клочья салфетку, и та поплыла над пропастью, как диковинная птица.

– Это большая ошибка, Марко, – твердо заявила она. – Я ничего не знаю об Авалоне, но я знаю Щелкунчика. Он никогда бы не сдался без какой-нибудь подлой задумки. Он опасен!

– Разумеется, опасен. Но Магус не может его казнить без суда. Сомневаюсь, что его вообще можно казнить, – он занимает слишком высокий пост в иерархии темников, а у нас с ними есть договоренности... о взаимном уважении, так скажем. Если бы он не выпустил демонию из Тартара, то вообще бы вышел сухим из воды.

– А так немного подмок? Его засадят хотя бы лет на триста?

– Ничего хорошего его не ждет, – усмехнулся Франчелли. – Все его планы пойдут прахом, я тебе обещаю.

Он перевел разговор на другую тему:

– Я тут договорился, к тебе прикрепят гида...

Дженни выронила ложечку, и та звякнула в бокале.

– Кого?!

– Гида, экскурсовода, провожатого...

– ...надсмотрщика, дрессировщика, конвойного, – продолжила девушка. – Какой гид? Мне нужен ты. Никакой гид или гидра тебя не заменит!

Марко потер переносицу. Дженни напряглась. Когда у деда появлялся такой взгляд, хорошего ждать не приходилось. В былые безмятежные времена это сулило бы появление на горизонте миссис Томпсон из отдела семейного образования или еще какую-нибудь неприятную, но обязательную необходимость.

– Ну, ты преувеличиваешь, – пробормотал фокусник. – Тадеуш хороший мальчик, он много расскажет и покажет...

– Боги, что это за имя?! – возопила Дженни. – Мало мне конвойного, так и имя у него, как у сантехника! За что, Марко, за что?!

Она уронила голову на руки.

– Миа кара, все не так страшно, – подбодрил Марко. – Тебе понравится. У меня дел много, я экскурсию организовать не смогу.

Дженни залпом допила кофе. Ей хотелось запустить бокал в пропасть. Гуляло в ней, бродило злое, шальное, едкое.

– Тебе надо отдохнуть, – продолжал Марко. – А я буду собирать информацию и анализировать. Так мы сможем понять, что задумал Фреймус и откуда у него сила создавать *одержимых*. Я предпринял некоторые шаги... Пока Фреймус будет разбираться с претензиями Великого Совета, мы узнаем о его планах. Главное, что ты в безопасности.

– Я-то да, а вот остальные нет! – возмутилась Дженни. Все-таки бокал так и просился вниз, оттягивал ладонь. Дженни отодвинула его от греха подальше. – Дьюла, Роджер, Эдвард и Эвелина. Если ты забыл их, то я не забыла! Кто говорил, что Магус своих не бросает?

Дед прикрыл глаза, словно слушал не ее, а ветер, приносящий чужие слова.

– Я говорил. Но это не одна битва, это долгая война. А на войне бывают отступления, обманные маневры, неожиданные нападения...

– И сдача своих?

Дед постучал пальцами по обложке. Звук был жесткий.

– Если бы не влез Фреймус со своей глупой затеей, ты бы все узнала в свое время. Ничего бы не случилось. А теперь ребятам приходится скрываться. После провала штурма мы решили, что лучше всего залечь на дно, ведь по их следу были пущены *одержимые*.

– Значит, сидеть и ничего не делать? – Дженни расстроилась. – Это неправильно.

Дед помедлил, потом сказал:

– Кое-что делать все же придется. Мне потребуется твоя помощь. Скорее всего, Высокий Суд призовет к ответу не только Фреймуса как виновника атаки на наш цирк, но и меня.

– За что?! – Девушка всплеснула руками и смахнула-таки многострадальный бокал. Дженни подскочила, но так, для галочки – понимала, что не успевает его поймать.

Марко щелкнул пальцами.

Порыв ветра ударил с моря – сильный и резкий, какой обычно бывает во время бури, такого не ждешь в расслабленный тихий вечер, неоткуда ему взяться. Ветер пронесся над цветами в кашпо, расставленных вдоль ограды, сгреб в незримый кулак лепестки, закрутил бокал, и тот замер на самом краю стола.

Фокусник поставил его перед девушкой. Дженни прислушалась – стекло еще звенело от удара ветра, воздух бродил в стеклянной полости, как очумевший прохожий после ограбления.

– Это самый крутой фокус в твоем репертуаре, – призналась она. – Так за что тебя отдавать под суд? За то, что мы пытались отбить Калеба? За то, что мстили за подлое нападение?

– Нападение на Фреймус-хаус нам бы списали. Но то, что я отдал Синюю печать Фейри колдуну, не простят.

Дженни поняла, чего не хватает в облике деда. С самого раннего детства она помнила его руки, длинные пальцы с тонкими венами и...

– Синяя печать – это твой перстень? – догадалась она. – У тебя была одна из семи этих самых печатей, которыми закрыты Врата Фейри?! И ты молчал? Ее же надо было спрятать в море на глубине четыре километра в свинцовом саркофаге!

– Нужна была приманка. Чтобы СВЛ арестовала Фреймуса и переместила на Авалон. Когда Ловцы взяли темника, печати при нем не было. Ее унес Калеб. Он единственный, кто ускользнул при захвате... как и ожидалось.

– То есть ты это спланировал?!

– Пока темник на Авалоне, его организация обезглавлена. Я опасался его *куклы*³¹, Клауса Хампельмана, но если он сгинул в Норвегии, то задача Калеба облегчается. Он сможет выяснить планы колдуна, пока мы удерживаем того здесь.

– Суд нужен, чтобы задержать Фреймуса... – нахмурилась Дженни. – Это значит, что он в результате выйдет на свободу?

Дед постучал пальцами по столу:

– Не хочу тебя обнадеживать, но, скорее всего, будет именно так. Он слишком большая шишка, Великий Совет не захочет портить отношения с темниками. В конце концов, из-за его действий никто даже не погиб.

³¹ Кукла колдуна – марионетка, созданная из живого человека. Сознанием куклы на расстоянии управляет колдун. При этом тело куклы подвергается алхимическим трансформациям или разного рода кибернетическим усовершенствованиям. Как правило, при создании кукол личность человека сильно страдает, и поэтому куклы редко бывают самостоятельными. Клаус Хампельман отличался от большинства кукол тем, что его тело не было трансформировано, а личность сохранилась полностью, и в то время, пока Фреймус им не управлял, он мог сам принимать решения.

Дженни стиснула зубы. Все, что она пережила, что пережили ее друзья, ничего не стоит?!

– Смотри на несколько ходов вперед, – успокоил ее дед. – Он избежит наказания сейчас, но все его планы пойдут прахом. Это куда более изощренная месть.

Дженни нехотя согласилась:

– Все-таки взрослые слишком жестоки. Мне бы хватило, если бы он получил пожизненное в самой страшной тюрьме, какую можно отыскать. А что грозит тебе?

– О, об этом не беспокойся, – отмахнулся дед. – Мою защиту ведет сама Юки Мацуда, глава СВЛ. Все обойдется штрафом или условным сроком.

Дженни закусил губу. Все здорово, все складывается, но что-то ее тревожит...

– Тогда что потребуется от меня?

– Когда Калев добудет доказательства его преступлений, тебе придется отправиться во Внешние земли и встретиться с ним.

– Мне?! Почему мне?

– Потому что никому другому Калев не доверяет. Для Ловцов он очередное чудовище, которое надо поймать и изолировать в экзопарке. А без доказательств мы не сможем засадить Фреймуса.

Дженни задумалась:

– Я сюда еле доплыла, как же выберусь? И как узнаю, что Калев нашел улики?

– Об этом не беспокойся, Юки тебе поможет.

– Я бы хотела с ней познакомиться. Раз мы вместе должны вытаскивать тебя из тюрьмы.

– Думаю, от знакомства тебе не отвертеться. – Дед поднялся. – Что-то свежее. Ты не хочешь прогуляться по Башне?

С моря дул пронизывающий ветер. На горизонте за кругом вечного солнца и голубого неба мимо Авалона (а казалось – на приступ) шел грозовой фронт.

... Уже уходя по тропинке вверх, к подножию Башни Дождя, где, по словам деда, есть «отличный короткий путь», она обернулась на кафе «Последняя песня».

Хозяйка кафе Сирена – высокая черноволосая красавица, стояла, опираясь на перила. Она смотрела на бурю, которая шла мимо острова Авалона, и сильный ветер рвал и все никак не мог вырвать у нее из рук белое полотенце.

Глава десятая

Сканер утвердительно пискнул. Калев убрал руку из детектора. Дверь бесшумно отъехала, он шагнул в зал, потирая запястье. Все-таки гемодетекторы придумали садисты. Кровь в ранке уже свернулась, но все равно было неприятно.

– Привет, – он старательно улыбнулся охраннику.

Тот поднял усталые глаза от мониторов:

– Чего тебе?

Калев склонился к дежурному с заговорщицким видом.

– Послушайте... – зашептал он самым тихим голосом, на какой был способен. – А вы знаете, что шеф Санчес вас уволил?

– Что-что?

Дежурный растерянно приподнялся, и Калев молниеносным выпадом коснулся его виска.

Он был крупный грузный мужчина, раза в два больше Калеба, но легко отлетел назад, обмяк, закрутился на стуле.

Едва видимая нить тянулась от ладони Калеба к виску дежурного.

– Откройте дверь кабинета, пожалуйста, – попросил мальчик.

Охранник приподнялся и рухнул на стул. Толстые руки безвольно болтались.

– Не... могу. Не знаю... код.

– Знаете, – сказал Калев. – Вы столько раз слышали, как хозяин его набирал, вы его по звуку выучили. Просто забыли. А сейчас вспомните. Верно?

– Верно, – согласился охранник. Он поднялся, шаркая ногами, проковылял к двери кабинета Фреймуса.

Калев терпеливо ждал.

Ему не нравилось использовать *нить принуждения*³², которую дал Марко, он толком и не знал, как с ней обращаться, поэтому контроль над охранником давался так тяжело – разум он удержал, но тело едва слушалось.

Кодовый замок щелкнул, дверь открылась.

Калев махнул рукой, и нить свернулась возле виска охранника, сверкнула и исчезла.

– Спасибо. Теперь вы вернетесь к работе и на все запросы будете отвечать в обычном режиме. Когда я выйду из кабинета, вы не будете обращать на меня внимания, пока я к вам не обращусь.

Охранник кивнул и вернулся за стойку.

Калев скользнул в кабинет, облегченно выдохнул, когда дверь закрылась.

Он не думал, что это будет так легко. Правда, ему отсюда еще надо выбираться.

Мальчик огляделся. Личный кабинет Фреймуса. Проектор на потолке, экран, терминал на столе. На вид обычный конференц-зал. Один из многих, разбросанных в разных концах «Гнезда» – резиденции колдуна на островке Садстоун. Водилась за Щелкунчиком такая особенность – он любил размышлять, расхаживая по коридорам. И когда его настигала идея, он предпочитал не мчаться в главный кабинет, а заскочить в один из малых кабинетов на пути. В уничтоженном Фреймус-хаусе был всего один такой вспомогательный кабинет. На Садстоуне, из-за размеров резиденции – порядка десяти. Калебу это на руку. В главный кабинет не проникнуть – слишком серьезные системы безопасности и постоянный пост охраны. Однако в один из дополнительных... Вопрос в том, как обмануть сканер и не попасть в поле зрения видео-камер.

³² Нить принуждения – артефакт, позволяющий контролировать сознание человека.

С камерами он разберется позже.

Калев моргнул.

Однажды он проделал это перед зеркалом, в самом начале преобразования, когда изо всех сил пытался наладить контакт с Ллиур³³. Испугался так, что месяц потом боялся в зеркало глядеть. Потом привык. Человек ко всему привыкает, даже к тому, что он теперь не совсем человек.

Он знал, как выглядит сейчас со стороны – глаза запылали желтым огнем, прорезались черными вертикальными зрачками, лицо исказилось, изнутри проступил уродливый облик химеры.

Он давно не казался ему уродливым, он был прекрасен.

Глаза химеры видели куда больше, чем человеческие. Кабинет расчертили лучи охранных систем. Мальчик слабо улыбнулся.

Наверное, если бы Калев владел *ясным взором*, то смог бы их увидеть, не прибегая к силе химеры. Если бы Роджер успел представить его Магусу, если бы он успел выбрать сословие... все было бы совсем иначе.

«Тогда бы я не узнал Ллиур, не понял бы, в каком страхе и боли она живет, – подумал он. – Она бы для меня осталась монстром, чудовищем, которое нужно убить. Какой ее видит Дженни...»

Мальчик втянул воздух ртом, словно пробуя его на вкус. Да, здесь достаточно влаги. Вот и кулер с водой стоит в углу.

«Очень удачно, – обрадовался Калев. – Положительно, мне везет...»

Он сложил и развел ладони. Меж них родился клубок тумана, он ширился, следуя движению рук, выталкивал из себя все новые молочные струи, пока туман не затопил всю комнату.

Водяная взвесь дрожала, пересекая оси лазерных лучей, теперь их можно было увидеть и простым человеческим глазом, но цель у Калеба была другая.

Он сосредоточился. Туман сгустился, обернул каждый из лучей плотной белесой пленкой. Калев резко выдохнул морозный клуб пара, туман вокруг лучей уплотнился. Хрустальный звон облетел кабинет – влага застывала вокруг лазерных лучей, заковывала их в кривые прозрачные тоннели. Безупречно прямой путь лазерных лучей искривился.

Калев прошел сквозь галерею ледяных арок, в каждой из которых тек, не прерываясь, луч охранной системы.

Включил терминал, хотел сесть в уютное кожаное кресло, но не стал. Не такой человек хозяин, чтобы ограничиться одной лазерной системой охраны, с него станется и датчики давления поставить.

Монитор вспыхнул.

Калев задумался, ожидая загрузки системы.

С тех пор как хозяина забрали на Авалон, в Ковене Западной Англии царило безвластие. Временный шеф охраны Эмилио Санчес действовал решительно, жестко и, на взгляд Калеба, совершенно бестолково. После того как Вольные Ловцы в Бристоле сначала играючи нейтрализовали людей Санчеса, а потом отпустили, Эмилио ввел повышенные меры безопасности на всех подконтрольных объектах. Проще говоря, он перепугался до смерти. Теперь даже при походе в туалет устраивают проверку личности. Пока Санчес сидит в Садстоуне и трясется от страха, у Калеба развязаны руки.

Калев от всей души пожелал, чтобы Фреймус никогда не вернулся с Авалона.

Тогда он легко сможет освободить всех его пленников.

³³ Химера Ллиур – соволемур, который был создан Альбертом Фреймусом в одной из тайных химероварен темников в Европе для нападения на английский Магус.

«Он вернется, – сказал тогда Марко. – У тебя будет не так много времени. Я постараюсь задержать его, за это время тебе нужно понять, что он задумал. Есть ли у него еще Печати Фейри, как он сумел связаться с Дикой Охотой, что задумал...»

Он согласился, хоть давно не чувствовал себя членом Магуса, да и не был, по сути, уже человеком Договора. Правду о Магусе он узнал уже у Фреймуса, и все, что его связывало с цирком, – уже нечеткие воспоминания. Но фокусник предложил сделку. Информация в обмен на свободу.

«Помоги мне, и я освобожу твою химеру от власти темника».

Калев протянул руку, от экрана шел слабый ток теплого воздуха.

Тепло. Он и забыл уже, каково это – когда тепло. Холод, который он носил внутри, никогда не заканчивался. Зерно, в котором дремала Лиюр, как зимняя звезда под сердцем, не давая успокоиться.

Он свыкся с ней, ее желания стали его желаниями, ее тревоги – его страхами. Больше всего Калев хотел дать ей свободу – ей, своей второй половине. Удавка воли Фреймуса тяготила его, он чувствовал его волю даже сейчас, когда хозяин на Авалоне.

Как же отказаться от предложения Марко?

На экране высветилось приглашение системы: «Введите пароль».

Однажды он слышал, как колдун его набирает. Человек не в силах различить, но у каждой клавиши свой звук. Калев закрыл глаза, положил пальцы на клавиатуру и с расстановкой, вслушиваясь в каждую клавишу, набрал слово, которое когда-то услышал.

Семь букв.

Открыл глаза.

Abyssus abyssum invocate³⁴. Ввод.

Проектор замерцал, выбросил луч, и на настенном экране высветился рабочий стол операционной системы. Мальчик защелкал мышью.

³⁴ Бездна вызывает к бездне (*лат.*).

Глава одиннадцатая

Дверь закрылась. Туман растворился, осел на полу и стенах капельками воды, и не осталось и следа от проникновения в кабинет. Нужно было только немного подчистить. Кaleb подошел к охраннику и попросил:

– Вы не могли бы показать, как переписать последние полчаса с камер видеонаблюдения?

Охранник вскинул удивленные глаза, искра сверкнула у виска, взгляд его затуманился.

– Да, разумеется, – заторможенно пробормотал он и защелкал клавишами. – Вот так. Понятно?

– Вполне, – мальчик взмахнул рукой, *нить принуждения* лопнула, и охранник подскочил, выпучив глаза. Кaleb сдунул с ладони горсть порошка, и жемчужное облако овеяло его.

Окутанный *пыльцой фей*³⁵, охранник упал в кресло. Кaleb быстро склонился над клавиатурой, отбарабанил комбинацию, поставив на перезапись прошедшие полчаса, и вышел. Охранник заворочался на стуле, приходя в себя. Последний час был начисто стерт из его памяти.

Кaleb мог бы проникнуть в кабинет Фреймуса силой, не таясь – все равно после того, как его шпионская операция будет закончена, обратной дороги не будет. Колдун обо всем догадается. Но действовать скрытно намного легче – никто не гонится, не палит во все стороны.

«Дженни бы вломилась в кабинет не раздумывая, – усмехнулся Кaleb. – Она такая. Что с ней теперь?»

Было время, когда он ее боялся, было время – люто ненавидел ту, что может шутя убить его Ллиур, было время – жалел, когда она находилась в заключении у Фреймуса. А теперь?

Легкий, как осенняя паутина, интерес, сочувствие, тишина. Они были с ней как кометы, встретившиеся и расходящиеся по своим небесным путям.

Кaleb нахмурился. Дело еще не закончено.

Подарки Марко очень полезны, но помогут ли они проникнуть туда, где находятся Печати Фейри? По правде сказать, Калебу совсем не хотелось туда.

Операция «Чертог», курганы под городком Венсброу... Что за чудище колдун сооружает глубоко под землей?

Кaleb лишь мельком проглядел файлы, многие из них были запаролены, и мальчик побоялся лезть глубже – в базах данных и хакерских взломах он был не силен. Одно он понял: Синяя печать Магуса, которая до сих пор была при нем, в ларце темного дерева, не первая в коллекции Фреймуса. Колдун уже собрал несколько Печатей Фейри. Подробности можно было узнать в «Чертоге», это огромный подземный комплекс под курганами Венсброу.

Но для этого надо выбраться из Садстоуна. Кaleb вышел на лифтовую площадку, нажал «вызов» и задумался. Куда ехать? Наверх, за разрешением Эмилио Санчеса... или вниз, в экзопарк, попрощаться с крокотами и мантикорой?

«Я ведь больше не вернусь к ним, – понял с печалью Кaleb. – Как только закончу операцию, ходу назад не будет».

Лифт распахнулся, Кaleb шагнул в кабину и решительно ткнул в самую нижнюю кнопку.

«Санчес вообще не знает о «Чертоге», что толку спрашивать этого дурака?»

³⁵ Пыльца фей – порошок забвения, стирающий воспоминания.

Шеф безопасности Эмилио Санчес как раз сворачивал голову бутылке текилы, собираясь запить обильный обед, который ему сервировали в личной столовой Фреймуса. В отсутствии хозяина есть определенные плюсы: бесконтрольный доступ к бару, кухне, текущим расходным счетам, на которых собирались весьма существенные суммы. Под его началом сотни вооруженных и подготовленных людей и несколько хорошо укрепленных резиденций – общую стоимость недвижимости он даже не брался прикинуть, счет шел на сотни миллионов фунтов. Без учета реактивов, химического и электронного оборудования, которым нашпигованы все замки Фреймуса.

Санчес намеревался выкурить пару сигар и наедине с текилой обмозговать непростую ситуацию, в которой оказался.

Все чаще колумбийцу приходила в голову крамольная мысль: а если хозяин не вернется?

Перспективы такого развития событий настолько же головокружительны, насколько велики опасности, грозящие его шкуре. Готов ли он играть действительно по-крупному?

Санчес покатал во рту маслянистый глоток текилы.

Хорошо...

Гарнитура щелкнула, шеф безопасности поперхнулся.

– Шеф, у нас проблема.

– В чем дело?! – рявкнул Санчес. – Я обедаю, идиоты!

– Шеф, к нам приближается вертолет. Они утверждают, что являются представителями Темной ложи³⁶ и требуют передать контроль над «Гнездом».

Санчес нервно сглотнул, отодвинул бутылку.

Вот оно, началось.

– Поднимай всех ребят, – хрипло сказал он. – Открывай оружейку. А этим, на вертушке, передай – мы подчиняемся только мистеру Альберту Фреймусу и никакой Темной ложи знать не знаем. Попробуют сесть – собьем к чертовой матери. Сейчас подойду на центральный.

Он надел пиджак и, поправляя наплечную кобуру, двинулся к центру управления.

Рассуждения Эмилио Санчеса были просты, как правила арифметики, – если колдун жив и вернется, то он наградит его за преданность. Если же, увы, они осиротели, то это хороший повод, чтобы кое-что держать подальше от его коллег, слетевшихся растаскивать наследство темника.

Калев ускользнул с Садстоуна легче, чем ожидал. Поднялась суматоха, охрана носилась с перекошенными от осознания важности момента рожками и винтовками наперевес, а над островом кружил изящный, как стрекоза, черный вертолет. На верхней смотровой площадке юлой вертелись зенитные установки, недвусмысленно намекая, что визит нежелателен.

Калев лишь мазнул взглядом по вертолету и тут же ушел в тень, скрылся из виду. Злая холодная игла чужой воли билась в стены «Гнезда», искала лазейку, чтобы проникнуть в чей-то разум, и раскрытое для всякого колдуна сознание химеры было идеальной мишенью.

На остров пытался высадиться кто-то из высокопоставленных темников.

«Улететь бы, – с тоской подумал мальчик. – Но ведь день! Лиюр не выдержит, а до берега десять миль».

Калев окольными путями, минуя или временно выводя из строя камеры, вышел к одной из нижних пристаней. Обычно здесь дежурили два человека, но сейчас всех услали наверх. У выхода из кабинки поста наблюдения топтался молоденький парнишка в обычной униформе

³⁶ Темная ложа – верховный орган темников, которому подчиняются все колдовские ковены.

охранной фирмы «Балор»: черная военизированная форма с нашивкой-лейблом – стилизованным багровым оком – на рукаве, в лихо заломленном берете и армейских ботинках с высокой шнуровкой. Парень курил, поплеывая в волну и поглядывая в небо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.